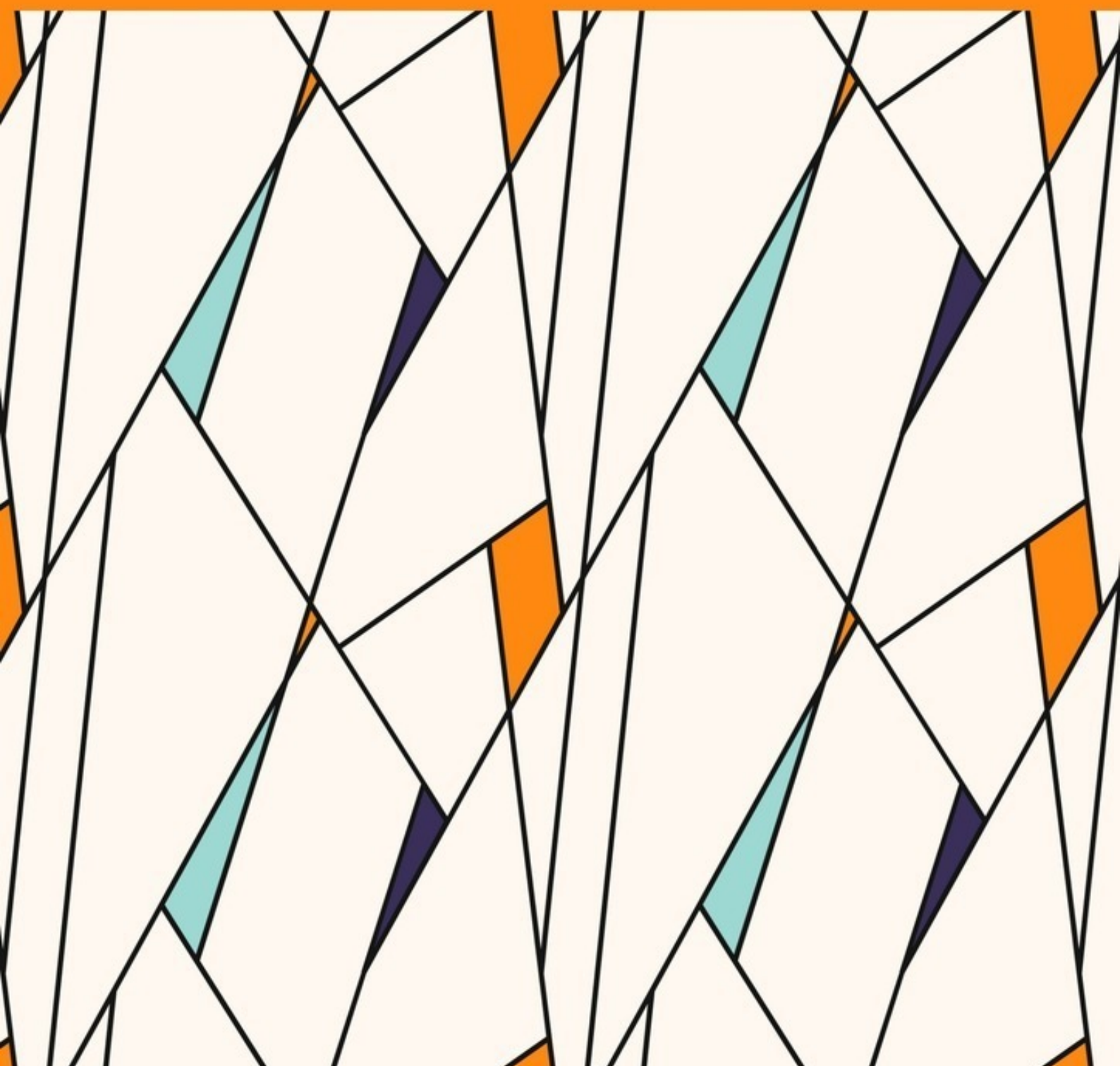

Юрий Солоневич
Юродивый и смерть

Юрий Солоневич
Юродивый и смерть

«Издательские решения»

Солоневич Ю. Л.

Юродивый и смерть / Ю. Л. Солоневич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902469-5

В чём заключается замысел Создателя? Где искать счастье? Что значит человек в бесконечной Вселенной? Почему молчит тот, кто знает ответы на эти вопросы? Нет, он не молчит. Но либо он говорит загадками, либо мы просто не можем его понять...

ISBN 978-5-44-902469-5

© Солоневич Ю. Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Юродивый и смерть	7
1.1. Сновидения	8
1.2. ХВН	13
1.3. Ибрагим	16
1.4. ХВН	17
1.5. Послание ХВН	18
1.6. ХВН	22
1.7. Света	29
1.8. Прыжок с моста	32
1.9. Обет молчания	35
1.10. Старый Горец	38
1.11. Песенник	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юродивый и смерть

Юрий Леонтьевич Солоневич

© Юрий Леонтьевич Солоневич, 2018

ISBN 978-5-4490-2469-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Когда вы найдёте для себя простой и ясный ответ на вопрос, что такое пространство и время, вы будете знать всё, что только может знать человек. Вы будете знать, есть ли память у Вселенной и бессмертна ли душа и – даже не по себе становится – есть ли Бог.

Но, познав всё это, вы не сможете больше оставаться в прежней жизни и довольствоваться примитивным выживанием в агрессивном внешнем мире. Не сможете ни избежать своих новых потребностей, ни удовлетворить их прежним способом. Вы станете изгоем, и противоречие между великой потребностью души и реальностью быта заставит вас мучительно искать новое знание, что неминуемо приведёт к великому потрясению, скачкообразному переходу в новый, неизведанный мир.

Рождение нового – это всегда смерть старого. А новое знание – тот же наркотик. Поэтому читать эту книгу простому обывателю не следует. Не надо искать «добра от добра». Читать её можно лишь тому, кому терять в этом мире больше нечего.

Написав эти строки, я невольно остановился в раздумье: а может, и в самом деле не надо говорить людям правду. На обложке старого Корана было написано: «Человек, который хочет сказать правду, должен держать лошадь осёдланной у порога. Ещё лучше, если одна нога этого человека уже находится в стремях».

Но индивидуальное знание обладает непреодолимой силой – оно во что бы то ни было стремится стать сознанием, совместным знанием, вырваться из клетки на свободу. Думаю, Вселенная не стала бы давать мне то, что может ей навредить. Да и, кроме того, одна моя нога уже в... стремях.

Возможно, на первых порах после прочтения жизнь покажется вам пресной и скучной. Но потом вы всё вокруг увидите в новом свете, с новыми, более мелкими деталями, и эти мелкие детали будут играть в вашем восприятии главенствующую роль. Вас обидит намёк, который раньше вы спокойно пропустили бы мимо ушей, и несказанно обрадует чуть заметный признак возникшей к вам симпатии. Вы перейдёте на более высокий уровень эволюции. Но, умоляю вас, не забывайте при этом своё прошлое.

Юродивый и смерть

*Мне, Господь, надоела моя нищета,
Надоела надежд и желаний тщета.
Дай мне новую жизнь, если ты всемогущий!
Может, лучше, чем эта, окажется та.*
Омар Хайям

1.1. Сновидения

Иногда мне снятся навязчивые сны. Как правило, очень мучительные, страшные. Особенно тот, в котором я вижу, как ведут на казнь Робеспьера, израненного, полуживого, в окровавленных одеждах. И пёстрая толпа каких-то оборванцев с уродливыми лицами, размахивая оружием и факелами, ликует в предвкушении зрелища смерти на гильотине.

И ещё один сон: будто бы я повис над узкой, бездонной расселиной в горах наподобие живого моста. И по мне с одной стороны на другую переходят дети. А я вцепился в каменные выступы и с ужасом ощущаю, что силы покидают меня и мои пальцы вот-вот разожмутся.

Мне много чего разного снилось, повторяясь в различных вариациях. И я пытался с этим бороться, чтобы не сойти с ума. Когда просыпаешься среди ночи от страха и потом лежишь, изо всех сил стараясь не уснуть, зная, что кошмарное сновидение обязательно вернётся, – это не просто так. И чувствуешь под кожей холодный пот. Именно под кожей, так как он ещё не выступил. Но никакая в мире сила уже не может помешать ему выйти на поверхность, обильно пропитать простыни, приклеивая их к дрожащему телу.

Я не знаю, что ощущает сорвавшийся с трапеции гимнаст. Понимает ли он, что для него в мире всё изменилось, безвозвратно, непоправимо изменилось? Успеваешь ли понять?

Я отчаянно противился переходу за ту грань, откуда больше не будет возврата. Нет, я не ходил по психиатрам и психотерапевтам. Я им не верю: уж очень много развелось их в наше время. А знание, доступное многим, – не глубоко. Кроме того, визит к психиатру чреват постановкой на учёт. А это – клеймо на всю жизнь. И – прощайте, права, прощай, охотничий билет. Я нашёл лучший выход: выучил «Отче наш» и стал посещать по воскресеньям церковь. Обычную православную церковь, а не сектантские группы, по численности адептов не уступающие массовым сеансам психотерапевтов.

Конечно, я был не из тех верующих, которых называют праведниками. Я просто-напросто таким образом пытался спасти свою психику от разрушения, найти покой без применения медикаментозных средств, которые одно лечат, а другое калечат.

А ещё я стал искать подобных себе в интернете. И нашёл. Один молодой человек (оказывается, такое бывает и у молодых) подсказал мне метод, как избавиться от моих ночных кошмаров: надо выполнить то, что от меня требуют. Правда, вопрос: кто требует? – оставался без ответа. Александр (так звали моего нового знакомого) утверждал, что надо попытаться понять сновидение и потом, проснувшись, выполнить определённые действия во внешнем мире. И тогда сон перестанет беспокоить. Александр также подсказал мне, как выяснить то, что от меня требуют: надо просто спросить у персонажей сновидения, кто они и чего они хотят. Их первый ответ (или первое, что придёт мне в голову как ответ) и будет руководством к действию. Или просто представить себе серый шар и уже у него спросить, что от меня требуется.

Я попробовал – и у меня получилось. Осталось только несколько сюжетов, которые я никак не мог нейтрализовать. Но с этим можно было бы смириться, если бы... Если бы я вдруг не стал замечать, что окружающая меня действительность ничем не отличается от ночного кошмара. А иногда бывает и пострашнее последнего. И я стал поглядывать на себя как бы со стороны, пытаюсь найти признаки того, сплю я сейчас или нет. Я снова запутался. И мне всё чаще и чаще казалось, будто всё, что происходит наяву, в какой-то мере лишено логики. Нет, причинно-следственные связи между событиями сохранялись. Но будто бы перестал действовать неизвестный, скрытый от меня важный закон Вселенной. Такой же важный, как закон всемирного тяготения. И внешний мир от этого исказился, стал похож на сновидение, в котором я кувыркаюсь, как в невесомости, и никак не могу отыскать прочную опору. Словно не понимаю я чего-то, что понимают остальные персонажи этого моего сновидения.

Позже я научился определять, где нахожусь – в сновидении или в реальном мире. Но до моего знакомства с ХВН я этого не умел.

Так было и в тот раз. Тип, который приблизился ко мне, едва я остановил машину, чтобы спросить дорогу, несомненно, был не от мира сего. И надетый на нём «серый тюремный халат» только усиливал мои подозрения.

От халата пахло жареной морской рыбой. Точь-в-точь такой же запах, как и в ресторане, расположенном на первом этаже гостиницы. Этот запах преследовал меня всю ночь и всё утро, пока я, почти задыхаясь, не вышел на улицу. От этого запаха, мне казалось, даже ручки дверей в номере были скользкими и отвратительными на ощупь. Может быть, и теперь этот запах просто существовал в моём сознании, резонируя с маслянистыми пятнами и засаленным воротником халата? А может, вся эта картина была лишь фрагментом продолжающегося сновидения и ни из какой гостиницы я не выходил?

Запах жареной морской рыбы и засаленный халат в сочетании с небритым подбородком и остро выпирающим кадыком незнакомца действовали на меня угнетающе.

Я не успел задать вопрос – незнакомец заговорил первым:

– Послушайте, – начал он.

– Да? – я машинально нащупал в кармане несколько купюр – надо же помогать убогим: может, зачтётся?

– Я работаю здесь, в музее, научным сотрудником, – продолжал он.

Он был высоким. А может, просто выглядел высоким из-за непомерной худобы. Речь его – торопливая и невнятная – вполне соответствовала моему представлению о юродивых.

– Вам это надо знать. Вы ведь в «индом» приехали, – он говорил скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Куда я приехал?

– В дом инвалидов и престарелых.

– Наверное, – согласился я, – если так называется местная психушка.

– Да-да, – он обрадованно закивал головой, – там и психов тоже держат. Я так и понял, что это вы. Я вас ждал. Вот, я всё приготовил.

И он протянул мне несколько листов с отпечатанным на машинке текстом. Не знаю почему, но я их взял и стал читать. Я вообще, как и многие, испытываю глубинный страх перед сумасшедшими (сам-то я пока ещё нормален, надеюсь). Лучший способ не пробудить их агрессивность – не перечить им.

«Всадник продвигался осторожно, пристально взглядываясь в следы копыт на выгоревшей от жаркого солнца луговой траве. При этом он не забывал периодически поднимать глаза и внимательно осматриваться по сторонам.

Было видно, что это – бывалый воин. Его слегка помятый в битве «ишиак» тускло поблёскивал в полуденных лучах светила. А русая кучерявая борода то и дело цеплялась за колычугу. Но всадник будто не замечал этого неудобства. Он шевелил тяжёлую, высокую траву длинным копьём, кружа на одном и том же месте. Потом обескураженно сдвинул илем на затылок и снова внимательно осмотрелся. Его что-то беспокоило. Что-то беспокоило и коня, гнедого, не очень высокого, с мощной, мускулистой грудью, сверкающего налитыми кровью глазами. Конь «стриг» ушами и скалил зубы – явные признаки подступающего страха. Такого не случалось давно. Конь был боевым, привычным к сечам, злым и даже свирепым.

Всадник успокаивающе похлопал коня по шее, затем стегнул короткой сыромятной плёткой. Но конь припадал на задние ноги и вперед не шёл. Всадник стегнул коня сильнее, но тот только тихонько заржал, пританцовывая от боли. А потом без всякой команды развернулся и – с места в галоп – пустился к чернеющей вдали полоске леса.

На опушке конь остановился, всадник развернул его и посмотрел в ту сторону, откуда только что прискакал. Яркие, радужные солнечные лучи слепили глаза, и всадник приложил руку козырьком ко лбу.

Там, в том месте, где обрывались многочисленные отпечатки диковинных, невиданных доселе подков, ничего не было. Только колеблющиеся, тёплые испарения от земли поднимались вверх, напоминая какие-то чудные строения с пологими, загнутыми по нижним краям крышами. И высоко в небе кружился ястреб-стервятник, словно видел внизу свою кровавую пищу.

Косматый конь снова заржал, тихо, жалобно. И тогда всадник, перехватив копьё в левую руку, трижды размашисто перекрестился и скрылся в лесу, пустив коня рысью.

– Он не видел нас, – сказал Повелитель. – Невозможно увидеть то, что спрятано за солнцем. Невозможно увидеть сразу две стороны Великой Стены. Нельзя быть одновременно в двух разных местах.

– Но можно быть зрячим, будучи слепым. И быть слепым, будучи зрячим – тогда, если даже что-то и увидишь, не сумеешь понять этого. Смертному не дано познать замысел Создателя. – Странник стоял перед носилками на коленях с дерзко поднятой головой и смотрел Повелителю прямо в глаза.

– А ты, кем себя считаешь ты?

– Я – Странник.

– И тебе доступен замысел Создателя?

Странник промолчал, не отводя дерзкого взора.

– Ты слишком умён для простолюдина.

– Это потому, что я много странствовал.

– Ты совсем не похож на простолюдина, хотя и одет, как нищий оборванец.

– Это оттого, что я очень много странствовал.

– Поначалу я посчитал твои речи безумием. Да, поначалу тебя можно принять за сумасшедшего.

– Это оттого, что в тех местах, где я странствовал, совсем не было людей. Живых людей.

– Кто ещё знает путь к этому месту?

– Никто. Я никому больше не скажу, как сюда попасть, – сказал Странник, печально улыбаясь.

Повелитель помолчал, раздумывая над словами Странника. А потом решительно изрёк:

– Не бойся тех, кто сильнее, а бойся тех, кто умнее.

И кивнул двум стражникам, стоявшим наготове за спиной Странника.

Те хорошо знали свою работу. Они повалили Странника навзничь, связали ему прочными кожаными ремешками ноги в трёх местах: у ступней, пониже и повыше колен. Затем привычно вставили две толстые бамбуковые палки между связанными ногами выше и ниже коленных суставов. И на мгновение замерли, ожидая дальнейших приказаний.

Повелитель кивнул им головой, и дюжие стражники стали медленно разводить палки в разные стороны, наваливаясь на них всей тяжестью своих тел.

Один из них, низкорослый, всё время облизывал от усердия языком свои губы, не сводя взора с расширившихся зрачков Странника.

Из огромных, как блюдечки, глаз у того вытекали слёзы, смешиваясь на щеках с крупными каплями пота.

Второй стражник безучастно наблюдал за белеющими, принимающими неестественную форму коленями своей жертвы, абсолютно не понимая смысла происходящего: ему была неведома ни своя, ни чужая боль.

Потом Странник закричал – вначале хрипло, с надрывом, затем пронзительно и невыносимо громко. И Повелитель поморщился, будто у него заболела голова. А когда лицо Стран-

ника словно осунулось, приобретая симметричные, заострённые, как у покойника, черты, резко взмахнул рукой.

Стражники встали по бокам, рядом со своей жертвой, ожидая дальнейших приказаний.

– Он говорит правду, – произнес Повелитель.

И увидев, что Странник открыл глаза, добавил погромче:

– Эту тайну никто больше не узнает без моего ведома. Ты никому больше не скажешь, как сюда попасть.

И снова резко взмахнул рукой, но теперь – сверху вниз. Тогда низкорослый стражник молниеносно вонзил в горло Странника узкое и длинное лезвие, неизвестно откуда появившееся в его руке.

Губы Странника чуть заметно пошевелились, и он тихо, совсем тихо произнёс:

– Я никому не скажу даже того, как отсюда выбраться...

Струйка крови показалась у него из уголка рта и потекла по подбородку и шее на слегка примятую траву. А взгляд вдруг остекленевших глаз был словно прикован к высокому, безразличному к людским делам небу.

– Ты всё понял? – спросил Повелитель у низкорослого стражника.

Но тот ничего не ответил, стоя с выпученными от изумления глазами: Повелители никогда не разговаривают с простыми стражниками.

– Нет, я вижу, что нет, – продолжал Повелитель. – Но на всякий случай запомни одно правило: никогда не входи, не узнав, как можно выйти. Впрочем, это правило уже, видимо, не пригодится ни тебе, ни мне.

– Почему? – спросил стражник, не осознавая своих действий.

– Потому, что зимы здесь, я знаю, очень холодные...

Коришун-стервятник спустился пониже, и круги его заметно сузились.

А весной, когда сошли с заливных лугов высокие воды Горыни, на лесной опушке снова появился всадник в чуть погнутом «ишишаке». Он был не один: женщины, дети и воины его рода с любопытством осматривали незнакомую местность. Другие переселенцы ушли дальше, а их род решил остаться в этом урочище. И поселение назвали Остальцы.

А через много лет кто-то из потомков первых поселенцев, (разыскивая ли новые сенокосы, пахотные земли ли) наткнулся на множество диковинных человеческих костей. Скелеты были маленькими, неповреждёнными и лежали так, будто умерли люди от голода или неизвестной болезни. А может, и замерзли, заплутав зимой в незнакомом месте.

Откуда и зачем пришли они? Кто привёл их? Молчит Время, не раскрывает свои тайны.

Перекрестился землероб да и подался бегом к опушке леса. А там, оглянувшись, увидел, как над загадочным урочищем колыхнулись полупрозрачные, с загнутыми краями крыши чудных домов. А над крышами, карауля добычу, парил коришун-стервятник.

Жуть! И «то ли филин захихикал, то ли леший заикал...» Никому не рассказывал землероб о своей страшной находке.

Да только просочилась, расползлась как-то по селению эта весть про найденные кости. А потом – из уст в уста – дальше... И стали называть Остальцы – Костополь».

Незнакомец заметил, что я закончил чтение, и сказал:

– Это легенда. Всё происходило недалеко, я был в этом урочище.

– А мне-то какое дело? – осторожно спросил я.

– Не знаю, – ответил он. – Просто я сделал всё, что от меня требовалось. Я даже денег за это не прошу.

Он ненавязчиво напомнил о деньгах, и я протянул ему две купюры по двадцать гривен:

– Вот, возьмите, всякий труд должен вознаграждаться.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Нам уже полгода ничего не платят.

И крепко зажал в кулаке деньги, словно их кто-то мог отнять.

– И всё-таки, какое отношение к этой легенде имею я?

Он замер, словно что-то лихорадочно обдумывая, потом махнул рукой и сказал:

– И мне тоже на всё наплевать! Интересно вам это или нет – мне наплевать! И отнесётесь ли к этому серьёзно – ваши американские трудности. Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое. Вы все мне надоели!

Он повернулся и пошёл по улице.

«Да, пожалуйста!» – подумал я. Мне хотелось спросить, не мучают ли его ночные кошмары.

– Эй! – окликнул его я, но спросил о другом: – А как проехать в «индом»?

Он приостановился и вытянул свою худую руку, показывая направление.

– Самая короткая дорога – за Александрией заправка, там влево на Ремель и Козлин, потом на Котов и на Тучин. За Тучином справа усадьба будет. Карта есть?

– Есть.

– Тогда не заблудитесь, а то и спросите кого. Я-то велосипедом напрямки езжу, километров двадцать с гаком будет. Да боюсь, вы там заблукаете.

«За кого он меня принял? И откуда узнал, что я ищу психушку? – подумал я. – А может, если строго подойти к этому вопросу, то все люди – психи. Только не у всех это так заметно, как у него. Может быть, он принимает меня за своего? Видимо, у него есть для этого основания».

И словно в подтверждение моих мыслей он крикнул:

– Это я его нашёл! Я! Сначала мы думали, что он – мёртвый. А он отогрелся и ожил!

Какой чёрт меня дёрнул приехать в эту проклятую дыру? Наверное, тот, который соблазняет человека обещанием дать власть над всем миром.

А может, я вру сам себе? Может, мне нужен не покой и избавление от страшных снов, а власть над всем миром?

1.2. ХВН

Я его разыскал. Я нашёл его, и нашёл потому, что мне это было очень нужно.

Когда человеку что-то по-настоящему нужно, он обязательно этого добьётся. Человек добьётся всего, чего хочет очень сильно. Здесь важно только одно: чтобы желание было искренним, всеобъемлющим, всепоглощающим, настоящим.

Я всегда добивался поставленной цели.

Беда нашего века не в том, что высокая производительность труда и эксплуатация человека человеком порождают относительный достаток у многих людей и основанное на этом иждивенчество. Беда нашего века в том, что достаток зачастую убивает само желание, процесс его зарождения, вынашивания, достижения. Что легко достается, с тем легко расстаются... И начинают изнывать от скуки.

Мне было очень нужно, и я его нашёл.

– Вы просто не понимаете, чего просите, – голос его немного дрожал.

– Понимаю, – возразил я.

Он задёргался, хотел ещё что-то сказать, но, видимо, не нашёл нужных слов. Несколько раз он снова пытался что-то произнести, но только беззвучно открывал и закрывал рот. А потом, наконец, словно приводя последний аргумент, спросил:

– Вы хотите стать таким, как я?

Я ещё раз внимательно посмотрел на него. Я не хотел бы стать таким, как он. Не думаю, чтобы кто-либо из моих знакомых хотел бы быть похожим на него. Но мне было надо по-настоящему.

– Это ваше условие?

– Нет-нет, это не моё условие. Это возможное следствие. Оно не обязательно наступит. Скорее всего... Если вы зайдёте так же далеко, как и я. Мой долг – предупредить.

Потом он помолчал и добавил, имея в виду себя:

– Убогое зрелище, не правда ли?

Я не знал, что ответить. Соврать из вежливости? Он поймёт, он очень проницателен. Ещё бы – он знал то, чего не знал никто другой на всём земном шаре. Сказать правду? Может обидеться. Я не имел достаточно опыта в общении с такими людьми. С теми, кого принято считать психически ненормальными.

Нормальные люди – это те, кто адекватно воспринимает окружающий мир и действует в нём рационально. Только в одном двадцатом веке нормальные люди, действуя разумно и рационально, уничтожили других нормальных людей на порядок больше, чем все эпидемии, вместе взятые за всю историю человечества. Это нормально, это разумно. И дальше надо так же поступать. И детей вырастить тоже нормальными людьми.

Нормальному человеку трудно общаться с ненормальным. А последних в этом городке, судя по всему, хоть пруд пруди.

Но он всё понял без слов. Понял и сказал:

– Мы сможем прервать, если станет очень страшно. Мы сможем прервать в любой момент. Но помните: то, что уже произошло, невозможно совсем отменить, разрушить полностью. Всегда остаётся хоть маленький след. Как чуть заметный шрамик.

Шрамик был. Он был на моём сердце, или в душе, или в сознании, или в подсознании – не знаю, как это назвать. Даже не шрамик – кровоточащая, незаживающая рана, из-за которой я не мог спокойно жить.

– Но даже если мы дойдём до конца, вы должны помнить, что острым клинком можно не только победить врага, но и пораниться самому. Или нанести вред своим близким.

– Я буду осторожным.

– Так всегда говорят перед тем, как сотворить глупость. И, кроме того, завладев тайной, вы лишитесь покоя. Тайна будет сжигать вас изнутри. Вы будете искать возможность поделиться ею.

Я вспомнил его послание на форум. Да, видимо, тайна действительно сжигала его изнутри, прорывалась наружу. А вообще-то, покоя у меня и так давно уже не было. Мокрому дождик не страшен. Я был согласен на всё – только бы достичь своей цели.

– А чужая тайна, к которой вы получите доступ, может легко вас погубить. Люди не хотят, чтобы кто-то получил доступ к их тайнам. За такое они будут мстить. Посмотрите ещё раз на меня.

Он был невысоким, тщедушным, в круглых очках, и преждевременно увядшая восковая кожа его худого лица была вся в каких-то складках – типичный образ «задохшегося за синхрофазотронами» физика. Он был некрасив, даже уродлив. И только огромные, как блюдечки, живые, подвижные глаза выдавали в нём неисправимого лирика. Они, эти глаза, казалось, жили своей особой жизнью. Красота посреди уродства – одно ещё больше подчёркивает, усиливает другое.

Мы сидели под уже начинавшими осыпаться деревьями в тихом, я бы даже сказал, уютном дворике на облупившейся садовой скамейке, массивной – теперь таких не делают, и негромко разговаривали. Вернее, больше говорил он, а я только изредка вставлял свои реплики.

– Конечно, моя жизнь могла бы сложиться по-другому. Но кто знает свою судьбу? Кто может её изменить? – он внимательно посмотрел на меня сквозь очки. – Даже если кто-то может, откуда знать, что он изменит её к лучшему? Не сожалеть бы потом.

– Если вы не в состоянии мне помочь – я не вижу смысла продолжать наш разговор, – сказал я резко и сделал попытку встать.

Но он удержал меня, поспешно схватив за руку.

– Прошу вас, выслушайте меня, – его речь стала торопливой и сбивчивой. – Прошу вас, выслушайте меня.

Как будто я не за этим приехал! Как будто я не хотел его слушать! Да только это мне и надо было, и я сказал:

– Я не понимаю...

Но он перебил меня:

– Всё равно выслушайте, даже если не понимаете. Понимать не обязательно. Вы просто слушайте меня, как слушают песню на иностранном языке. А понимание придёт само по себе. Не обязательно ведь знать язык цыган, чтобы понять, о чем их песни. Важно их выслушать, и они сами переведутся в вашем сознании на нужный язык. В этом секрет слов. Все слова всех языков созданы не случайно. Их создали не люди. Например, то же слово «сознание», или совместное знание субъектов психики, уже применялось тогда, когда о строении психики никто практически ничего не знал.

Да (для меня вдруг это стало очевидным), тайны и в самом деле сжигали его изнутри.

– А кто их создал?

– Тот, кто управляет людьми. Конкретнее я пока не знаю. Вернее, догадываюсь, но не могу вам сказать.

– Почему?

– Если я вам скажу, вы перестанете меня слушать вообще.

– Почему?

– Вы сочтёте, что я безумен. Вы и так уже считаете, но не до конца. Вы слушайте меня, пока вам понятна моя логика, пока вам интересно то, что я говорю. И давайте не будем нарушать эту гармонию. Всё, что необходимо, придёт само. Вы ведь и таблицу умножения начинали учить с первого столбца, а не с середины. Поэтому позвольте мне говорить. Я сам увижу, когда

вам станет неинтересно или когда что-то вызовет у вас отрицательные эмоции. Мне важно, чтобы вы заинтересовались. А это возможно только тогда, когда вы услышите в моём рассказе нечто вам знакомое, но что волнует вас своей непонятностью. Вернее, что понятно не до конца, но в существовании чего вы не сомневаетесь. Это всё равно как тайфун, или цунами, или шаровая молния. Вы знаете, что они есть, но не понимаете их сути. И эта суть манит вас к себе.

– Так, я начинаю понимать.

– Самое главное, чтобы вы осознали – я не сумасшедший. Или сумасшедший, но не до конца. Что меня ещё можно понять. И тогда я раскрою вам и эту тайну, и ещё много других.

– Я не сомневаюсь, что вы не сумасшедший, что не до конца... – я и сам не верил тому, что говорил.

– Вот и прекрасно. Тогда начнём. Слушайте.

И он опять заговорил. Для большинства людей его речь была бы не совсем понятной. Но только не для меня. Если бы я его не понимал, то я бы и не искал его все эти годы, всё это время, начиная с того дня, когда я прочитал сообщение на форуме, посвящённом проблемам пространства и времени.

Он прав: таблицу умножения учат не с середины. Если начать с середины, таблица умножения будет казаться мистикой. И ученик может понять учителя только тогда, когда достаточно подготовлен к этому. Когда просто жаждет, жгуче желает подтверждения своим интуитивным догадкам. Когда новое знание ученику жизненно необходимо. Необходимо как воздух, как солнечный свет, к которому былинка-трава пробивается даже через толстый слой грубого асфальта. Необходимо для того, чтобы изменить то, что изменить невозможно. На первый взгляд, невозможно... Невозможно, если желание получить невозможное недостаточно сильно...

Мы сидели на старой, облезлой садовой скамейке, и опадающие листья, желтые, подернутые багрянцем, кружились и плавно опускались на землю, находя там свой покой.

Как души умерших.

Как души умерших, должно быть.

Как души умерших, должно быть, находят свой покой под сенью райских кущ.

Властелином мира станет тот, кто научится понимать сумасшедших.

1.3. Ибрагим

Вот снова пылится дорога.

Сколько их было: от Заполярного до Астрахани, от моря до моря, от судьбы к судьбе.

Когда я приехал в Астрахань, Ибрагим зарезал последнего индюка, чтобы встретить меня, как положено по законам гостеприимства. Бедный Ибрагим: из мебели в доме были старый топчан и стол с табуретками. На топчане спал я, как гость.

Бедный Ибрагим.

Был конец двадцатого века, второго тысячелетия от Рождества Христова. Туристы платили двадцать миллионов долларов за полёт в космос.

У Ибрагима из хозяйства больше не осталось ничего: индюк – это был весь его домашний скот. Ну да ладно. У меня в «фуре» лежало пятнадцать тонн отборной белорусской картошки. Это, конечно, не двадцать миллионов долларов, но на индюка хватит, если удачно продадим, если не ограбят бандиты в погонах или без погон.

А может, купить пулемёты? Так, на всякий случай. Потому что, если ограбят, мне можно не возвращаться домой. У меня больше ничего не будет, как и у Ибрагима.

Мне приходилось стрелять из ручного пулемёта Калашникова. А Ибрагиму? Ничего, научится, если надо будет. Жизнь научит. Жизнь всему научит.

Жизнь – такая. Она не будет упрощать и объяснять урок по многу раз. И на второй год не оставит. Оставит в кювете у расстрелянной машины, один на один с судьбой, с тоской смертной, с голодными глазами детей, которые ложатся спать на полу и даже не просят есть. Знают: нету. Было бы – отец бы дал, сам бы не съел.

Бедный Ибрагим! Он был самым честным из всех людей, с которыми мне приходилось встречаться в моей беспокойной, полубродячей жизни. Он был абсолютно честен, что должно было быть удивительным при его ужасающей нищете, неприкаянности. И поголовном воровстве и хищничестве окружавших его каждодневно базарных торговцев. Хотя... Потому и был он беден, что был честен. «Кто без страха и упрёка, тот всегда не при деньгах».

Он родился и вырос в Баку, городе интернациональном, особом, исключительном. 26 комиссаров – символ справедливости и честности. И когда у Ибрагима появилась возможность одним махом стать богатым человеком и для этого потребовалась самая малость – всего-навсего немного солгать, чуть-чуть предать того, кто ему верил, Ибрагим не сделал этого.

Удивительно это или нет? Или прав был Хемингуэй, когда говорил, что чем ближе к линии фронта, тем более замечательных людей там встречаешь?

Ибрагим один держал линию своего фронта. И когда он ушёл за горизонт времени, этот участок остался неприкрытым. Неприкрытым потому, что заменить Ибрагима некем. Никто другой не согласится закрыть своим телом эту зияющую брешь, никто другой не согласится быть так близко к передовой, к линии огня. Зачем? Чтобы открыто смотреть всем в глаза? Но этому можно научиться и на рынке, придерживая незаметно пальцем чашу весов.

Бедный Ибрагим! Я должен был во что бы то ни стало разгадать тайну времени, чтобы вернуться в тот день, когда Ибрагим принимал свой последний бой. Я должен был вернуться, чтобы всё изменить или хотя бы встать с ним рядом. Ведь он не знал даже того, как снять пулемёт с предохранителя...

Ибрагим меня не предал. Так могу ли я предать его?

Мне иногда интересно, а что бы я сделал, если бы тогда был вместе с Ибрагимом?

Слава Богу, что такого не случилось. А сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого. Я подозревал, что всё это имеет отношение к моим навязчивым сновидениям.

1.4. ХВН

И я рассказал ему про Ибрагима. Я рассказал, как нашёл его, ещё живого, лежащего на спине с ножевой раной в боку. И как он, чуть улыбаясь краешком губ, тихо повторял: «Только через мой труп, только через мой труп...» И умер у меня на руках. И я не знал, что надо делать. Я не мог ничего сделать. Я был бессилен. И это бессилие порождало отчаяние. И это бессилие – как его преодолеть, как всё изменить, я не хочу больше переживать такое... И если я не могу забыть – что делать мне?

*Освещённый светом луны,
Я кричу, и мой крик – как яд.
С затемнённой её стороны
Пусть вернутся они назад!
Пусть вернутся они домой!
Пусть вернутся они ко мне!
Я кричу им, и голос мой
Слышен даже на той стороне.*

ХВН закрыл лицо руками и заплакал. И я снова почувствовал бессилие. А потом, немного успокоившись, он сказал, провожая взглядом падающий, кружащийся кленовый листок:

– Эти листья, они ни в чём не виноваты. А их сожгут. Сестра-хозяйка заставит больных сгрести их в кучи и подожжет. Она злая. Она на всех злая потому, что не замужем. Она вечно на всех кричит. Кому нужна крикливая жена? И сердце у неё каменное. У вас доброе сердце. И, кроме того, я вижу в ваших глазах мудрость. Вы не станете служить силам зла. Я помогу вам получить то, что вы просите. А вы... вы поговорите с главврачом, чтобы листья не сжигали. Он вас послушает. Ведь если их сожгут, то ничего не останется. Дым рассеется, а пепел уйдёт в землю вместе с талой водой.

– Из пепла вырастут трава и новые листья, – попытался я его успокоить.

– Это будут совсем другие листья, – как-то вяло возразил он, наверное, понемногу погружаясь в свой невидимый для меня мир. – Те уже не вернутся никогда. Они останутся там, на обратной стороне. Мы их можем видеть, а они нас – нет. Вернее, они могут видеть нас только такими, какими мы были тогда... А эти новые – они уже другие, и их ничто не волнует. Их не волнует то, что волнует нас: они видят мир по-другому.

И он стал говорить тихо, отдельными, казалось, бессвязными фразами, напоминающими «белые» стихи. Такими фразами, из которых было составлено его послание на форум в интернете.

1.5. Послание ХВН

Я не просто просиживал свои штаны в институте, не ради «корочки». Я учился потому, что мне было интересно. И ещё потому, что знал: в этой жизни я могу надеяться только на самого себя, на свои руки и свою голову. Поэтому в нужный момент у меня хватило ума – а скорее интуиции – распознать в загадочном сообщении именно ту «нить Ариадны», которая и была мне единственно необходимой. Сообщение было следующим:

«Форум Института исследований природы времени Отправитель: хвн 03-08-2002 21:17 (для имеющих выход в Интернет сообщаю адрес пересохранённой мною страницы: http://pinski-vesnik.ucoz.ru/forum_instituta_issledovaniy_prirody_vremeni.htm).

Как от меня и от ЭФИРА мой мозг неотделим.

Порождая мысль, знания, сны, воспоминания.

Физика, религия едино русло во временах,

встречные потоки знаний о мироздании.

ЭФИР удерживает нас как электроны на орбите.

К себе не допуская, не отпуская – хранитель.

Физика, религия по кругу ходят, в центре круга

Истина – ДУХ СВЯТОЙ – ВОДЫ ЖИЗНИ.

Крест ключевая графика системы.

Где ИМЯ БОГА есть ЭФИР, а плоть ЭФИРА – время.

ИУс ХРс – ЭФИРНЫЙ ИМПУЛЬС – СЕМЯ —

Христианского древа жизни.

Крест – графика с осциллографа по вертикали.

Добавлена черта к началу времени событий,

поскольку туда импульс послан от событий.

Природная асинхронная сигнализация.

События – третья мировая война.

Но сначала возьмите ИМЯ БОЖИЕ

а то некрасиво получается не знать, кто дает жизнь

в себе хранит и посылает сына для спасения.

Физики ЭФИР не только пронизывает материю.

Но и материя находится в ЭФИРЕ, благодаря ЭФИРУ.

Здесь подумайте, что есть восход солнца, когда оно вращается в одном месте.

Ситуация такая, строительство третьего Храма на храмовой горе есть третья мировая.

Глупый фанатизм, строить Богу дом в Божием доме, вот помутнение рассудка.

Все никак не могут евреи из плена выйти, рабского строя, хотят быть рабовладельцами от Бога.

Все ведущие религии корнями уходят в ЭФИР, и физика туда уходит.

Мне ЭФИР не раз спасал жизнь, и заставлял спасать другим, он мне открылся и я его знаю.

Нам всем надо устроиться в ЭФИРНОМ ХРАМЕ, а не устраивать Бога в своих Храмах.

Физики о времени для вас есть информация в Православных Храмах.

Спасительная акция из будущих времен, вам только стоит открыть глаза шире.

Могу научить как во времени – плоти, иметь смещение, ведь наши мозги также в ЭФИРЕ.

Своим рассудком пройдите во времени бедственного события близкого вам человека.

И если разум ваш совпадает что будет, то вы увидите все событие своими глазами.

Поскольку находитесь в будущем времени, но там действовать не надо, а надо когда вернётесь в настоящее.

Запомните сколько времени вы находились в будущем столько времени вас не было в настоящем. Все...»

Я привел текст без правки, как в оригинале. Возможно, он покажется кому-то бессмысленным. Или слишком перегруженным физическими терминами. Тогда его (и остальные сообщения) можно не читать. Или читать «как песню на иностранном языке». Но я просто обязан излагать всё скрупулёзно и последовательно. Ведь я собираюсь дать в этой книге ответы на те вопросы, которые так давно волнуют людей. И научить манипулировать субъектами времени.

«Кто овладеет временем, тот овладеет всем миром». Так, кажется, говорил древнеегипетский жрец.

И ещё это поможет тем, кого преследуют навязчивые сновидения. И тем, кого такие сновидения не преследуют. Пока не преследуют, но их время неумолимо приближается.

Как только я прочитал это сообщение, меня словно обдало холодом – холодом великой тайны, которая пряталась под покрывалом из не совсем понятных словосочетаний. Текст произвел на меня сильное впечатление. И я использовал его фрагменты в своём романе «Зона тени». Но то, что я пишу сейчас, – не роман. А если и роман – то роман-исповедь. Почему исповедь? Может, потому, что до сих пор я никому не исповедовался. А человек не может, не должен уходить из этого мира без исповеди и покаяния. Уходить с чёрными пятнами на душе, уходить с тяжёлым сердцем, непрощённым. Не прощённым теми, кому вольно или невольно причинил в своей жизни зло. Уходить, оставив это зло, как тяжкое бремя, как проклятое наследство, своим близким.

Эта книга – не научная фантастика, не популярное изложение физических теорий. В ней нет и не будет никакого вымысла. Всё, что здесь было и будет написано, – правда. А в правду, как известно, поверить труднее, чем в правдоподобный вымысел. Но я не прошу верить мне: я не создаю новую религию. Я просто прошу следовать за мной, как и я в своё время последовал за ХВН. Я просто делюсь тем, что мне открылось, что поразило меня своей красотой и совершенством, что не только изменило моё понимание жизни, но и позволило мне заглянуть за её границы. Позволило увидеть то, что было до моего рождения и что будет после моей смерти. Позволило только потому, что я был терпелив и имел жгучее желание. Учитель нужен лишь тогда, когда готов ученик. Я был готов. И для меня настало время прозрения. И сейчас я хочу только одного: сказать всем правду о том, что было, и о том, что будет. Может быть, тогда тайна перестанет сжигать меня изнутри.

Впрочем, я не буду возражать, если кто-то посчитает это произведение продолжением вышеупомянутого романа. Я не буду возражать, если кто-то и вовсе назовет это произведение чепухой. Не буду потому, что и сам я ранее частенько отрицал существование того, что не соответствовало моим ожиданиям, было мне непонятно, не вписывалось в мои представления об окружающем мире. Я не замечал того, что не резонировало с моим психическим опытом, с пережитым ранее. Ко многим вещам я тогда не был ещё готов, не прошел я через тернии, не увидел звёзд, не пережил нестерпимую боль безвозвратных потерь. Сытое брюхо к голодному глухо...

К счастью, всем людям свойственно меняться, постигать новое, учиться. Готовиться... готовиться к встрече с неизбежностью ухода или перехода в иной мир либо к восприятию чего-то необычного, кажущегося невероятным. Чтобы распознать что-то необычное, неизвестное ранее, надо быть готовым.

Видимо, я тогда был готов. Это не какая-то выдающаяся моя заслуга, не гениальное открытие и не особая милость природы. Новое всегда приходит только в тот момент, когда его готовы принять и понять.

Я был готов к пониманию сообщения ХВН, и оно не осталось для меня незамеченным. Заметили его ещё несколько человек. Одним из них был А. Н. Солёный (в своих дальнейших

поисках я имел с ним непродолжительную переписку, и он был склонен считать, что реально ХВН не существует). А тогда на форуме он сообщил:

«Отправитель: Солёный Александр 06-08-2002 14:20

Уважаемый хвн (если это конечно не абстрактное лицо, а если инопланетянин какой-никакой, то это ещё и лучше). Понятие ЭФИР введено как часть непознанной материи с неизвестными (не всеми известными нам) законами существования. Но что ЭФИР существует – это несомненно. По поводу фразы – «ЭФИР удерживает нас, как электроны на орбите « – я так понял, что люди плавают (если можно так выразиться) на поверхности или в какой то малой части ЭФИРА и никуда от этого деваться не могут. «Плоть ЭФИРА – это время» – это материя в четырехмерном пространстве (угу). «Осциллограф... добавлена черта к началу времени событий» – это смещение фаз частотных характеристик при различном течении времени – это понятно (причем, как по направлению воздействия, так и по отношению к оси воздействия). «Что есть восход солнца, когда оно вращается в одном месте» – это пространственное расположение объемов и наблюдателя (прибора) и его изменение (расположения). Ну о Боге, евреях, третьей мировой войне – опускаем (пока). «Нам всем надо устроится в ЭФИРНОМ храме» – это понятно, не надо выдумывать законы, а нужно познавать их и использовать протекающие процессы в природе, а не противостоять своими техническими процессами. Используя протекающие (изменяющиеся) природные процессы, возможно переместиться во времени, но такая возможность все время варьирует и не остаётся постоянной, часто равна нулю, но она существует. Другое дело, что мы этого делать (даже теоретически) пока не умеем. «Могу научить, как во времени – плоти, иметь смещение, ведь наши мозги тоже в ЭФИРЕ» – вот это разговор. Я обеими руками – за. А лучше денег (100000000\$) дайте, мы Вас тогда и Сами научим.

«Своим рассудком пройдите» – согласен, но тогда система отсчета будет находиться в объеме тела индивидуума и не будет выходить за её пределы, тогда (к сожалению) эту систему отсчета (как систему отсчета) нельзя использовать для обучения других индивидуумов и тогда после перехода в другое состояние (смерти для нас) системы тайна уходит и исчезает, к сожалению.

Уважаемый хвн. Если Вы есть, то, возможно, прореагируете на данное суждение по отдельным психологическим, мысленным, научным (я надеюсь, физическим), философским выкладкам и поправите если что-то, что по Вашему разумению, так или не так. Тогда у меня будут более глубокие суждения о непостоянстве времени.

С уважением, Солёный Александр Николаевич.

Желаю Вам совпадения по направлению и силе с природными созидательными процессами».

Несколько поучительный и ироничный тон сообщения не задел ХВН, и он ответил:

«Отправитель: хвн 10-08-2002 07:19

Физик сегодня это пьяный мужик из анекдота, ведет поиск, не там, где потерял, а где светлее.

Религии также науки о природе, также имеют теории о мироздании.

Просто в физике, как и в религиях есть мелкие душонки.

Поймите, ЭФИР как хозяин все сделал из себя. И, что ушел на покой в небеса

НЕТ, он хранит нас в себе, удерживая электроны на орбитах, в атоме.

Я вам ключ дам от времени, но не забывайте что время это тело Божие.

Некоторые Религии отправили в небеса Бога, чтоб хозяйничать на планете.

Хозяйничают, от имени Бога, не зная имени.

Бог предусмотрел также и наличие идиотов, на планете нашей, разместил ключ у всех на виду на православных храмах, думайте, зачем он это сделал.

Чтоб физики не смогли запатентовать Бога. Хотя многие религии уже давно запатентовали Бога, как свою собственность. Что происходит с нами.

Только в имени Бога спасение наше.
Крест это графика с осциллографа по вертикали.
Насчет имени, в религиозных текстах вместо слова Бог поменяйте на слово ЭФИР.
А в физике вместо слова ЭФИР поменяйте на слово Бог, и читайте, суть не поменяете.
Насчет креста, посмотрите на него с востока, там физические данные.
Табличка это импульс, подножие это амплитуда.
Из будущих событий приходит импульс в настоящее события, для поправки.
Хс – это емкостное сопротивление, дальше Ис подумайте сами.
Материнское предчувствие также в системе этой.
Да, это крутой поворот в рассудке нашем, но перед нами, открытие спасительное.
Ведь вы не знаете, что это такое предчувствие предвидение, все гадаете.
А можно смотреть сегодня по телевизору завтрашние новости, ведь кинескоп это также осциллограф.

Я вижу будущее своими глазами, антенны также являются глазами!
Попов сделал связь в пространстве, а нам дано сделать связь во времени.
Открытый колебательный контур это связь в пространстве.
Закрытый колебательный контур это связь во времени, но особый.
Мне нужен физик, от православия, чтоб знал СВЯТУЮ ТРОИЦУ.
Я покажу ему ключ от РАЯ, на осциллографе.
И мы будем смотреть не только в будущее, но и в прошлое, чтоб истину установить.
Нам даётся условное обозначение, а мы его за реальность воспринимаем, оттого и живем в плохой системе.

Будь такой, как я, только немного хуже, только такой приятель мне нужен.
Оттого и плохо, женщина не может быть женственной, а мужчина мужественной
Ими правителями малодушными предел установлен».

И ещё одно сообщение в тот же день:

«Отправитель: хвн 10-08-2002 13:46

Изначально я занимался эфиром Максвелла. А когда построил его модель, то оказалось, что в разной проекции пересечения оси его кристаллической решетки похожи на православные кресты или звезду царя Давида. Решил, что вряд ли это может быть случайным совпадением. Но, с другой стороны, наши предки о микромире никакого понятия иметь не могли. Значит, увидели эти структуры у какой-то более высокой цивилизации, представителей которой принимали за богов. Самое логичное объяснение. Стал изучать ритуальномагические формы различных народов – и поразился сходству с той техникой, которую мы только-только начинаем осваивать».

Затем опять ироничное послание:

«Отправитель: Фотон 10-08-2002 14:34

Если можно, пожалуйста, подробнее напишите, как можно посмотреть через осциллограф ключ от РАЯ и от АДА. Ваша цитата: Я покажу ему ключ от РАЯ, на осциллографе. С страстью жду ответа!»

И не понимающий иронии ХВН ответил:

«не путайте, через и на импульс зачат в будущем рожден в настоящем ВРЕМЕНИ

На осциллографе это видно»

И после этого – ни слова. Я написал ему десятки писем (на форуме имеется адрес его электронной почты). Я просил, умолял, требовал – и ни слова в ответ. А потом моё послание вернулось: почтового ящика с адресом ХВН hvn@mail.od.ua на сервере больше не существовало...

И тогда я понял, что с ним что-то случилось. И от этого желание проникнуть в тайну стало ещё более жгучим.

1.6. ХВН

Иногда я ловил себя на мысли, что всё это со мной уже происходило. Происходило раньше, давно-давно, возможно, в какой-то другой моей жизни. Если, конечно, человек может прожить несколько жизней. Прожить и забыть, прожить и забыть. Но если всё время проживать и забывать, то зачем тогда вообще это нужно?

Итак, меня не покидало ощущение того, что я раньше видел этот дворик, эту пожухлую, припорошенную осенними листьями траву (я вдруг подумал, что ХВН прав, что нельзя нарушать их покой, ведь листьям может быть больно оттого, что люди ступают по ним, сжигают их), эту скамейку с массивными чугунными ажурными боковинками и – особенно – эти прямоугольные бруски обшивки, окрашенные множеством слоёв масляной краски. Последний слой был серо-зелёным, и в тех местах, где краска немного облупилась, виднелась старая, грязно-голубая. А из-под неё – ещё какая-то жёлтая. Но дело было даже не в цветах, дело было в надписи, вырезанной, очевидно, перочинным ножом на одной из реек спинки. Там было вырезано: «Лёня». И я готов был поклясться, что это имя вырезал я сам. Я готов был поклясться, что эта закрашенная многими слоями разных красок надпись – моих рук дело. Это я вырезал имя друга в парке, тогда, когда он уезжал в другой город: его отца переводили на новое место службы. По-моему, всё так и было. Надо только хорошенько вспомнить. Сосредоточиться, собраться с мыслями и вспомнить. Отогнать этот туман, которым окутана память о детских годах. У меня был перочинный ножик. И я вырезал имя друга детства в парке на спинке скамейки. Такой же скамейки, как и эта. Какое имя я вырезал? Надо вспомнить, как звали друга. Лёня? Наверное. Но надо вспомнить более точно.

Я машинально извлёк из правого кармана брюк перочинный ножик и раскрыл его. Зачем? Наверное, чтобы возбудить цепочку ассоциаций, ведущих в моё далекое детство. Да, правильно, моего друга звали Лёня. «И был союз наш – не разлей вода». Я вспомнил, что мне тогда казалось: эта потеря будет невозможной. Почему потеря? Он просто переезжал в другой город, совсем недалеко, мы даже могли бы встретиться на каникулах. Могли бы... Старые фотографии оживали. Правильно, его отец увлекался любительской фотосъёмкой – редкость в те времена, не знавшие ещё цветных плёнок, компьютерной печати и прочих современных прибамбасов. Фотобачок, увеличитель и ванночки, в которых при красном свете проявлялись снимки. Сначала возникали крупные фрагменты, которые потом дополнялись оболочкой деталей и оживали мистическим образом. Но иногда снимки чернели, превращались в сплошную ночь, если их вовремя не вытаскивали из проявителя.

Это было таинство, мистика, чудо. И Лёнин отец был волшебником. Он и сам знал это. И по-детски улыбался, глядя на то, что создал, одухотворил, извлек из ничего, из небытия. Фотографии печатались, как правило, по ночам, чтобы избежать слишком сложной светомаскировки на окнах и дверях. И радость творчества Лёнин отец подкреплял стаканом простого вина. Потом, со временем, стакана стало маловато. И, в конце концов, добрый и жизнерадостный волшебник умер... Нет такого сильного организма, который нельзя было бы уничтожить алкоголем... Я узнал об этом от самого Лёни, когда встретил его уже в зрелом возрасте. Лёня стал милиционером патрульно-постовой службы. И когда мы случайно встретились, он орал на пьяного мужичка, побагровев от злости. Он был совсем другим, не таким, каким я его помнил и представлял с тех пор, как мы расстались в детстве. С тех пор, как я вырезал его имя в парке на спинке садовой скамейки. Имя оставалось прежним. Как и моя привычка носить в кармане перочинный ножик. Тогда, в детстве, это имело особый смысл, особый шик. Ножиком можно было вырезать из веточки сирени свисток или рогатку – чрезвычайно важные для пацанов вещи. А сейчас? Зачем мне был нужен ножик сейчас? А Лёня, как с ним? Да никак.

Он покраснел ещё больше, узнав меня, и отпустил проштрафившегося мужичонку. Мы обменялись парой фраз:

– Ты?

– Я.

– Я слышал, тебя в интернат потом отдали.

– Да, когда родителей не стало. А у тётки самой забот полон рот. А как твои?

– Отец тоже давно умер: спился втихаря. Я этих пьяниц просто ненавижу!

И все. Больше говорить было не о чём. Мы с Лёней вяло пожали друг другу руки и расстались. И он бросился догонять пьяного, пока тот не скрылся за углом.

Сейчас я даже не знаю, где друг моего детства и что с ним. Только эта надпись, только она связывала нас в этот миг, будила воспоминания – правильное, возбуждала центры в соответствующих зонах мозга... Чистая физика – вот и все, что осталось от прежней дружбы «не разлей вода». Вода, два атома водорода и один – кислорода. И электрический импульс. Это все, что необходимо мозгу для работы, для того, чтобы мыслить, думать, вспоминать.

Позже я спросил у главврача (у нас с ним сложились неплохие отношения – мы оба считали себя нормальными людьми):

– Откуда у вас эти скамейки?

....

– Ты не знаешь, откуда их привезли?

Он посмотрел удивленно и немного заинтересованно, профессионально заинтересованно, как на возможного своего будущего клиента. И не ответил. И я больше не переспрашивал. Наверное, это действительно неважно, откуда привезли скамейки в больничный двор. Это их прошлая жизнь, и к сегодняшнему нашему с ХВН разговору она не имела никакого отношения. Или имела? Взмах крыльев мотылька может служить причиной урагана на другом конце Земли. Всё сущее имеет общие корни. Это становится понятным, если проследить связь кроны дерева и его корней, опуститься по стволу пониже. На тысячу лет пониже. Или на миллион. Тогда можно разглядеть пожелтевшую от времени фотографию, на которой я и Лёня – мы вместе сидим на этой скамейке. Перед тем, как он уехал. Нас сфотографировал тогда его отец. Сфотографировал фотоаппаратом «ФЭД-3». ФЭД – это значит Феликс Эдмундович Дзержинский. Это ещё на сотню лет пониже. Или на полсотни. Да, на полсотни, если от тысяча девятьсот шестьдесят седьмого отнять тысяча девятьсот семнадцатый. Фотографию сделал Лёнин отец, перед тем как умер.

А Лёня прислал её мне в конверте с почтовой маркой за четыре копейки и аббревиатурой СССР. Была когда-то такая страна. Наверное, была, если мне не изменяет память. Память иногда выбрасывает причудливые коленца. Когда разум немного погружается в дремоту. Полсотни лет, или сотня, или тысяча – какая разница? Далась мне эта скамейка. И эта надпись. И СССР. Кому это сейчас надо? Новым зелёным листочкам нет никакого дела до старых, даже если те и не были сожжены осенью, а, полуистлевшие, запутались в корнях молодых побегов.

Мы продолжали сидеть на скамейке, и ХВН что-то невнятно шептал.

Листья, как и тысячелетия назад, продолжали падать на землю. Скоро от этих листьев, конечно, не останется и следа. Больные сгребут их граблями в большие, бесформенные кучи и сестра-хозяйка подождёт эти неизвестно чьи души, и тяжелый, белесый дым будет стелиться над землёй, растворяясь в бесконечности Эфира. В Эфирном храме всем найдётся место. А потом они вернуться, весной, пробьются из набухших почек.

Весна – прекрасна.

Только это будут не совсем они. Наверное, это будут их дети. Но – будут. Я в этом не сомневался, но пока ещё не совсем понимал, не осознавал до конца. Листья не могут исчезнуть просто так, бесследно. Хоть что-то от них должно остаться, передаться их детям, и далее –

по цепочке, которая становится всё тоньше и тоньше. Потом Эфир вернёт их, пусть только солнышко проглянет сквозь разрывы облаков и прогреет ласково.

И ещё я не сомневался в том, что ХВН мне поможет. Я это чувствовал, чувствовал интуитивно. И ещё я чувствовал приближение чего-то нового, каких-то значительных перемен в своей судьбе. И чувства меня не обманули...

– Классный у вас ножик, – вдруг сказал он совсем внятно и восхищённо. – Вы можете подарить его мне?

– Нет, – ответил я. – Он мне дорог как память.

– Жаль, – сказал он. – У меня никогда не было таких классных ножигов. Как вы думаете, им можно убить человека?

– Если знать, куда ударить.

– А вы знаете?

Я лихорадочно соображал, как повести себя, как сменить тему разговора, не вызывая ненужных осложнений.

– Как вы считаете, можно ли убивать людей? – не унимался он. – А избивать, причинять боль?

– Смотря каких людей и смотря при каких обстоятельствах, – уклончиво ответил я, закрыл ножик и спрятал его обратно в карман.

– Плохих людей. Вы можете отличить плохих людей от хороших?

– Плохие – это те...

– ...которые поступают не так, как вам бы хотелось? Они делают плохо вам

и хорошо себе, а не наоборот. Вы по этому критерию судите людей? – продолжал он. –

Нет, вы судите их по другому критерию. Вы судите их потому, что в тот момент оказались сильнее. Если бы вы были слабее, вы бы их не судили, а просили бы у них пощады. А вы могли бы бросить вызов тому, кто заведомо сильнее вас?

Я не ответил.

– А вы могли бы бросить вызов мощной стихии, по сравнению с которой вы – песчинка?

– Я не вижу необходимости бросать вызов кому-то или чему-то.

– А если возникнет необходимость спасти себя или кого-то, кто вам не безразличен?

– Когда возникнет такая ситуация, тогда я и решу.

– Нет, тогда вы ничего не решите: для раздумий просто не будет времени. Вы либо совершите поступок, либо нет.

Возможно, он был прав. Но я не хотел вникать в глубинную суть его слов. Мне это было не надо. Он не вспоминал про ножик – на том и спасибо.

– Кем вы хотите стать в этой жизни?

Хороший вопрос. Мне скоро пятьдесят. Хороший вопрос.

– Я хотел бы стать писателем, если можно.

– Можно, всё можно, если захотеть.

– Я захотел.

– Нет, ещё недостаточно сильно. Ещё что-то мешает сосредоточиться только на этом желании.

Он был чрезвычайно проницателен. Возможно, огромные глаза-локаторы, или глаза-антенны – так он, кажется, писал, помогали ему улавливать нюансы моего состояния. Я сказал:

– Да, перед тем как стать писателем, я хочу кое-что изменить в моём прошлом. Я вам уже говорил. Поэтому, собственно, я и разыскивал вас.

– Да, конечно, сновидения тогда прекратятся, вы правильно это понимаете. Я вам это обещаю. Я обещаю, что помогу вам изменить то, что вы хотите. Но изменить – не значит отменить совсем.

– Недавно я написал роман. Наверное, не самый лучший. Может, даже самый что ни на есть посредственный. Но только там имеются слова: не верь ничьим обещаниям.

– Это неправильные слова. Эти слова нельзя говорить обо всех без разбора.

– Там ещё есть слова о том, что предают всегда те, кому веришь.

– Такие слова нельзя говорить никому, а тем более писать в романах. Написанное слово имеет огромную силу – большую, чем произнесённое. Поэтому писатели должны быть осторожными. Если вы хотите стать писателем, вы должны в первую очередь все слова примерять к себе самому. Разве вас всегда-всегда предавали?

Я снова вспомнил Ибрагима и сказал:

– Нет, не всегда. Один человек спас мне жизнь.

– Ибрагим? Вы ему поверите, если он вам что-то пообещает?

– Он ничего мне не пообещает: его больше нет.

– Его нет здесь и сейчас, – сказал он. – Всего лишь здесь и сейчас. Но вы не хуже меня понимаете, что он есть, есть где-то рядом, совсем недалеко, – и, заметив мой протестующий жест, добавил тоном, не терпящим возражений: – Вы его чувствуете. И вы меня хорошо понимаете, и вы ведь знаете, что на самом деле где-то там, внутри, в глубине, вы меня слушаете и понимаете ещё лучше. Так, может, хватит переливать из пустого в порожнее? Раз вы хотите что-то изменить, давайте сделаем это.

– Прямо сию минуту? – опешил я.

– Прямо сию минуту и начнём. Самое большое странствие начинается с первого шага.

– У вас есть волшебная палочка?

– Есть. Только не волшебная. Вы скоро всё поймёте, но сначала вы должны мне поверить...

– Я никому и ничего не должен.

– ...поверить, что я это умею, – продолжал он, не обращая внимания на мою последнюю реплику. – Субъективная категория веры – это первый этап формирования объективного знания. Необходимый этап. Но давайте не будем забегать вперед. Делайте то, что я вам говорю. Делайте сначала просто механически, как отличники зубрят урок, не стараясь ничего понять. Понимание придёт позже – мы об этом уже говорили, – и тогда вы будете использовать этот феномен осознанно. А пока... у вас отличный ежедневник.

Да, свой ежедневник в кожаном переплёте я купил в Англии.

– Там найдётся чистый разворот?

– Найдётся, – ответил я.

– Ручка у вас тоже классная, – словно издевался он.

Четырехцветная ручка попала ко мне тем же путем, что и ежедневник.

– Я подарю её вам, когда буду уходить.

Он обрадовался:

– Только не забудьте. Впрочем, я вам напомню, – и, словно извиняясь, добавил: – У меня никогда не было классных вещей. Я всегда донашивал то, что оставалось от старших. Это унижает, это очень сильно унижает, когда у тебя нет ничего, что бы купили специально для тебя. Вы меня понимаете?

– Да, – кивнул я и снова посмотрел на него.

Он сидел в синем линялом байковом больничном халате (слава Богу, без маслянистых пятен), из-под которого виднелся серого цвета заношенный свитер. Наверное, ему было холодно: кончик его жёлтого носа покраснел. И мне стало неловко: это из-за меня он терпит холод и неудобства. Но – ничего не поделаешь – в фойе нам бы не дали спокойно поговорить. Да и я ведь пообещал ему ручку. Как компенсацию за причинённые неудобства.

– Считайте, что мы совершим это исключительно для доказательства возможности изменения судьбы, – продолжал он. – Сначала изменения, потом – управления. Только не торопите меня и не задавайте никаких вопросов. Я вижу, что они у вас на языке.

Он был прав: несколько вопросов я задал бы. Ну да ладно, успеется.

– Мы только одним глазком заглянем... – продолжал говорить он, но уже немного тише. – Хочется, хочется поверить, но школьный учитель с указкой смотрит строго и говорит: «Так не бывает». Они никогда ничего не могли объяснить. Они только и говорили: «Это так, потому что так написано в книжке». Их очень просто заставить замолчать. Для этого сначала надо спросить, сколько будет дважды два, а когда они ответят, снова спросить: «Почему?» И всё, и они надолго замолчат, соображая. Пусть молчит. Так, уже указку на стол положил.

Я представил себе ситуацию: да, так бы оно всё и происходило в реальности.

– Почему, почему – да потому, что он этого хочет. Он нашёл меня. Два года искал. Вот почему! Я открою ему доступ – и не надо мне ничего говорить, маленький уродец. Иначе я снова посажу тебя в шкаф, в темноту, в небытие. Мне нужен совет, а не критика. Совет. Вот так.

Потом он сказал, обращаясь ко мне:

– Точно следуйте моим инструкциям и не обманывайте. Иначе это не сработает. Мы потратим всего три минуты, но вы будете потрясены. А ещё через десять минут вы станете совершенно другим человеком.

Я хотел уточнить: каким другим? Но промолчал.

– Но только без обмана, – продолжал он. – Выбирайте имена тех людей, кого вы хорошо знаете. И только те имена, которые первыми придут вам в голову. Но сначала напишите в столбик цифры от единицы до одиннадцати. Цифры, как и слова, содержат скрытый смысл. Теперь напротив цифр 1 и 2 напишите два простых числа (они могут делиться только сами на себя), какие захотите, какие придут вам в голову быстрее всего.

Я на минуту прервался. Всё это сильно смахивало на какой-то детский розыгрыш. А что, если он просто насмехается надо мной? Я слышал раньше, что сумасшедшие иногда очень изощрённо мстят нам, тем, кто нормален. Или почти нормален. Возможно, они считают нас виновными в их беде. У сумасшедших вроде иногда бывают моменты просветления, когда они всё понимают: и неизлечимость своей болезни, и беспросветную пустоту остатка своей жизни.

Забегаю вперед, скажу, что через несколько минут я действительно был уже другим. А тем, кто не верит мне, как и я не верил ХВН, советую прекратить чтение на этом месте, взять листок бумаги и поэтапно проделать все, что было описано выше. И только потом перевернуть страничку. Сначала напишите цифры в столбик, как это сделал я на чистой странице ежедневника.

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.
- 9.
- 10.
- 11.

А потом напротив цифр 1 и 2 напишите два простых числа. Возможно, скоро вы узнаете причину моего волнения. Напишите эти числа, прежде чем будете читать дальше.

Заметив мои сомнения, ХВН спросил:

– Бойтесь?

– Нет, – соврал я.

– Тогда продолжим: напротив номеров три и семь напишите имена людей противоположного вам пола. Значит, женские.

Тот, кто все-таки решился на эксперимент, поймёт, почему я похолодел.

– Напротив цифр 4, 5 и 6 напишите имена родных или друзей.

Я написал.

– Напротив номеров 8, 9, 10 и 11 напишите названия любых песен.

Здесь я снова сделаю отступление для тех, кто решил проверить, говорю ли я правду. Для тех, кто вместе со мной осмелился развеять сомнения. (Сомнение – это основное условие прорыва к новому знанию.) Поэтому дальнейший текст начинается с новой страницы.

Читать дальше надо только после того, как все имена и названия будут записаны.

Я уже не думал, что он меня разыгрывает. Но в любом случае мне ничего не угрожало. И я продолжал слушать.

– Человек под номером три – тот, кого вы любите. Тот, кто под номером семь, вам нравится, но у вас ничего не вышло. Больше всего вы беспокоитесь о человеке под номером четыре. Человек под номером пять знает о вас больше, чем вы предполагаете. Он видит вас насквозь. Ваша счастливая звезда – человек под номером шесть. Песня под номером восемь соответствует человеку под номером три. Песня девять для человека под номером семь. Песня десять выражает вашу тайную суть. А песня одиннадцать – отражение вашей сегодняшней жизни.

Я пришел в себя, когда услышал его громкий хохот. И я обиделся по-настоящему. Не на него, нет. Я обиделся на себя оттого, что, считаясь нормальным, не мог разгадать, в какую игру со мной играет этот юродивый. Я не знал, насмехается он или нет. Я ничего не знал, кроме одного: он всё правильно обо мне угадал. И он правильно сказал, что я стану другим человеком. Я словно на мгновение увидел себя со стороны. Что-то тёмное и косматое зашевелилось в моём подсознании, как просыпающийся в берлоге медведь. Словно чуть-чуть приоткрылась завеса над покрытой мраком тайной: «Кто я? Зачем я? Откуда и куда я иду?»

Я понял: не будет мне покоя, пока не найду ответ.

– Объясните, в чём здесь фокус, – потребовал я.

И тут он спохватился и перестал смеяться.

– Это не фокус, а приём. Он позволяет вам больше узнать себя.

– Наверное, мне лучше уйти. Я не очень хорошо себя чувствую, – проговорил я негромко.

– А я вот что отвечу, – сказал он вполне серьёзно. – Именно сейчас-то вам очень важно посмотреть в глаза Эфира. Вы сразу же получите поддержку от его могучих вихрей. Если снова будет страшно – скажите.

Раньше мне приятно было воображать о себе, что я не из робкого десятка. И после его последней фразы гордость и злость несколько оттеснили страх. И я убедил себя, что мне всё нипочём. Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что он именно на это и рассчитывал. Он заранее просчитал все ходы: и мои, и свои. Он, а не я, видел конечную комбинацию фигур в этой игре. А страшно по-настоящему мне стало потом, через несколько дней. Да так страшно, что я не мог спать. Но – по порядку. Будем двигаться, по возможности, последовательно.

Это отступление я сделал для тех читателей, которым вздумается проделать и второй эксперимент. Не советую, если нет на то крайней необходимости, если в жизни у вас всё хорошо – или почти всё – и ничего изменять вы не хотите. ХВН сказал правду: никогда не знаешь, к чему приведут эти перемены.

Судьбу стоит изменять только тогда, когда жизнь – хуже некуда. Чтобы потом не сожалеть, не метаться сотни раз «из огня да в полымя». Сейчас я уже знаю: стоит только начать – не остановишься. Всегда кажется мало. Забываешь, что от добра добра не ищут.

Я вас предупредил, читатель, как в своё время это сделал в отношении меня ХВН. Я тоже считаю это своей обязанностью. А делать выбор – уже ваше право. И ваша обязанность. Каждый сам делает свой выбор, чтобы потом не сожалеть, не раскаиваться. Не искать виноватых там, где их нет.

А в тот день ХВН сказал:

– У вас бывало такое чувство, что всё это с вами уже когда-то происходило? Что, скажем, вы уже когда-то сидели на этой скамейке?

Я вздрогнул, и он уловил это чуть заметное движение. Очень похоже, что он каким-то образом улавливал и мои мысли. Он удовлетворенно кивнул и продолжал:

– Откройте ваш ежедневник на чистом развороте и на левой странице, по центру, нарисуйте символ.

– Какой символ?

– Символы – это реальные вещи. Они есть, мы их можем нарисовать, распознать. Мы можем ими манипулировать. В нашем мире всё – символы: и рисунки, и надписи, и предметы. Другое дело – образы. Их нет во внешней реальности, но они управляют всем на свете. Не мы ими манипулируем, а они нами. Образы живут с другой стороны, в том мире, где нет вещей, и слова состоят не из букв. В том мире нет символов, там всё является только тем, что оно есть на самом деле. Символы разрушаются, они – смертны. Образы – вечны. Они, и только они воистину настоящие, непреходящие. Раньше я думал, что образы не могут быть живыми. Но я ошибался. Символы – не живые отпечатки во внешнем мире живых образов внутреннего мира.

Я не совсем его понял, но уточнять не стал: мне не терпелось поскорее получить тот результат, за которым я приехал. И я только спросил:

– Символ чего?

– Символ вашей любви. Той самой, которую вы не можете забыть. Той, которая всегда с вами. Есть в жизни каждого такое, что невозможно забыть. Закройте глаза и вспомните этот образ. Он вначале будет довольно туманным, но потом всё больше деталей проступят в вашем воображении, и вы отчетливо увидите лицо.

Он был прав: я никогда её не забывал. Я вспоминал её очень часто. Теперь я могу признать себе в этом. Теперь мне не надо лгать самому себе, не надо изворачиваться перед своей совестью. Теперь мне не надо многое из того, что раньше я считал важным. Теперь наступило время отделять зёрна от плевел.

1.7. Света

Я увидел её лицо. Увидел отчетливо, ясно, реально.

– Здравствуй, Света, – сказал я.

– Здравствуй, – ответила она.

Да, всё было именно так.

– Здравствуй, Света, – сказал я тогда.

Или сейчас? Когда я это сказал?

Я открыл глаза и взглянул на ХВН. Он покраснел и отвернулся. Значит, он слышал. Значит, я произнес эту фразу вслух. Ну и пусть слышит. Пусть!

– Здравствуй, Света, – сказал я.

– Здравствуй, – ответила она, не отрывая своих прекрасных глаз от каких-то документов.

Она сидела за столом у окна небольшого кабинета и делала вид, что занята бумагами. Только я знал (откуда?), что это не так. Что она тоже смотрит на меня. Смотрит исподтишка, когда я на мгновение отворачиваюсь в сторону.

– Ты присаживайся, – сказала она таким волшебным, неземным голосом.

Я присел на краешек стула и... снова взглянул на ХВН. Он был смущен. Но ободряюще кивнул головой:

– Говорите вслух. Это хорошо. Это значит, что вы делаете это по-настоящему. Значит, у нас всё получится. Всё получится, если делать по-настоящему.

Я ещё раз взглянул на него и отметил про себя, что он видит лишь меня. Он не видел Свету. Её видел только я. Словно снова вернулся в то далекое время, когда работал экономистом... Когда мы встречались чуть ли не каждый день...

Я так хотел. Я не мог не заехать к ней.

– Что ты привёз сегодня? – спросила она.

– Вот, – я протянул ей документы, и кончики наших пальцев на мгновение соприкоснулись.

Я ощутил, как она вздрогнула. Вздрогнула, подняла, наконец, глаза и улыбнулась мне.

Наверное, вид у меня был достаточно красноречивым. Я поймал себя на том, что моя рука застыла в воздухе, и, преодолевая некоторое сопротивление, усилием воли опустил её на колени.

– Машину разгружают... – выдавил я.

Она снова отвела глаза и сказала:

– А мы, что будем делать мы?

Меня трясло, как в лихорадке.

Её платье, лёгкое, полупрозрачное, в красно-белую полоску по диагонали, высоко вздымалось на груди в такт взволнованному дыханию.

– Тебя скоро просто уволят с работы, – продолжала она. – Что, в Харькове только один мой магазин?

Я молчал.

– Все всё видят, – снова сказала она и, громко вздохнув, добавила: – И я тоже всё вижу.

В ушах у меня звенело, я не понимал, что со мной. И только где-то на самом краю сознания, где-то, словно за пределами моего разума, сформировалась, выкристаллизовалась вполне конкретная фраза:

– Я больше не могу без тебя.

Это сказал не я. Слова возникли сами по себе, как упругое колебание воздуха. Воздуха, насыщенного лёгким ароматом её духов и ещё чем-то таким, без чего всё вокруг мгновенно бы потеряло всякий смысл своего существования.

Так иногда бывает, когда звуки сами по себе возникают в напряженной тишине. Возникают потому, что не возникнуть просто не могут.

– Поцелуй меня, – попросила она.

Я помню только, как со стола посыпались на пол бумаги. И её губы. Я помню вкус её губ. И их нежное тепло.

Мне тогда казалось, что я сплю. Иногда сон и явь неразличимы. Иногда просто не хочется просыпаться. И если после смерти будет хоть один такой сон, то нет в ней ничего страшного. Наоборот...

Мне и сейчас казалось, что я сплю. Ежедневник упал на землю, и ветер стал перебирать его листы.

ХВН кашлянул.

Прошло чуть более четверти века. Но я не забыл вкус её губ. Четверть века или четверть часа? Какая разница!

– Вы должны нарисовать символ, – напомнил мне ХВН.

Я поднял с земли еженедельник, открыл его на нужной странице и начал рисовать.

Не знаю, какое выражение было у меня на лице, когда я вышел из её кабинета. Только мой водитель, высокий красавец с соответствующей фамилией – Статный, сверкнув золотой фиксой, сказал:

– Ну и везунчик же ты!

Я только радостно улыбнулся ему в ответ.

– Почему не я? – продолжал Статный. – Чем я хуже? Али не молод, али не красив? Нет, женщины – загадка, – и, покачав головой, добавил: – Завтра опять сюда едем?

Я согласно кивнул в ответ. А он снова покачал головой и сказал:

– Конечно, за это можно всё отдать.

Я тогда не понял до конца смысл этой фразы. Да я и не пытался ничего понимать. Зачем? Мне это было не нужно. Мне ничего больше было не нужно.

Счастье – это когда тебе ничего не надо. Ничего, кроме её бездонных глаз, её шёлковых волос, её губ, её нежного дыхания...

Мое счастье продолжалось почти целый месяц. И этот месяц был равен... нет, он был неизмеримо больше всей моей остальной жизни.

Счастье мимолётно, эфемерно, как тающие на ресницах снежинки. И стойкий оловянный солдатик на одной ноге, и бумажная танцовщица – короткая вспышка пламени в очаге, всплеск электромагнитного поля, затухающая в пространстве и времени волна...

В то время была популярна песня:

Я плачу о тебе и днем, и ночью...

Как-то недавно я пытался разыскать её слова – напрасно. Может быть, и есть они где-то. Но где? Куда уходит вчерашний день? Зачем грустить заставила разлука? Света, где ты сейчас?

Тогда мы гуляли по пляжу, по безлюдному вечернему пляжу, и на прибрежном песке оставались следы от наших босых ног.

Я не мог вспомнить, о чем мы говорили. А может, мы и не говорили вовсе. А только смотрели друг другу в глаза... Нет-нет, я вспомнил, я тогда предложил:

– Давай уедем отсюда.

– Куда?

– На море. Представляешь: оранжевый мячик на голубых волнах, золотистый песок и ласковое солнце...

– Это всё просто мечты, – печально сказала она. – Да и денег надо много.

– Вот деньги как раз и есть.

Я немного приврал. Совсем чуть-чуть: денег на двоих не хватило бы. Но я мог одолжить у Статного. Я потом так и сделал, и Статный охотно мне помог. Возможно, у него имелись на этот счёт какие-то свои причины.

Света мне поверила. И приняла мою мечту-идею. И улыбнулась.

...На том пляже, в тени ветвей,

Только там в первый раз улыбнулась ты мне,

Улыбнулась ты мне...

И бросила короткий взгляд, в котором были ответы на все вопросы.

Эта улыбка и короткий взгляд – время бессильно перед ними. Даже пирамиды разрушаются, источаются песком и ветром. Материя боится времени. Не боится его лишь то, что нематериально. То, что незримо витает вокруг, из чего соткана вечность. То, что живет в бездонной глубине глаз. Музыка и песня. Искры костра в ночном небе. Свет далекой звезды.

На воде закачалась звезда.

Сон Вселенной – далёкий свет.

Свет того, что ушло навсегда.

Отраженье того, чего нет...

Набегающее волной

Время смывает мои следы.

Растворится в тиши ночной

Моя жизнь, словно всплеск воды.

Сны приходят к нам из глубины времени, как и свет далёкой звезды.

Ведь знала, что люблю, и знала, что приду,

К тебе одной приду, ты только жди...

Не пришел. Наверное, не так любил. А как надо любить? Знаю ли я, что это такое – любовь?

Её глаза всё чаще и чаще снятся мне по ночам. К чему это? И что значат сны вообще?

Я плачу о тебе, я плачу о судьбе...

О своей судьбе, которая догорает, но никого не может согреть.

На развороте ежедневника я нарисовал падающую звезду. Её лучи были красного цвета, и длинный шлейф постепенно расширялся, уходя к правому верхнему углу листика.

– Важно только, чтобы символ вызывал в памяти, возбуждал цепочку нужных ассоциаций. И совсем не важно, каким он будет, – сказал ХВН, глядя на мой рисунок. – А теперь на второй половине разворота нарисуйте символ своего давнего страха. Того страха, который вы сумели преодолеть. Вы меня поняли?

– Да, – ответил я.

1.8. Прыжок с моста

– Тут главное – не сдрейфить в последний момент, – сказал Кови.

Он сказал это так, будто сам уже не раз прыгал с этого моста, и его конопатое лицо выражало полную уверенность в том, что именно так оно и было. И только по тому, как часто он моргал, да ещё по странно остекленевшим глазам можно было определить, что ему самому ох как! страшно.

– Если сдрейфить в последний момент, то пойдешь на пузо. И тогда только потроха по воде поплывут. Как с того облезлого кота.

Теперь он говорил, обращаясь больше к «мелюзге» из младших классов, которая стайкой бежала за нами. В интернате ничего в тайне не сохранишь. Это как в большой семье: все дети знают, кто из них и какую шкоду сотворил. Но родителям никто не доносит. Так и у нас: почти все в интернате знали, что сегодня я буду на спор прыгать с моста. Не знали только учителя и воспитатели.

– А если на газету? – спросил кто-то из «мелюзги», и Кови с видом знатока продолжал:

– На газету – сразу «хата». Ноги как спички треснут. А если на спину пойдешь, то и без газеты – «хата». – И, обращаясь ко мне, добавил: – Так что ты лучше прыгай «на бомбу».

– Ялика-цыган прыгал «на ласточку», – вставил кто-то из мелюзги.

– Дурак ты, – оборвал его Кови. – Там комбинированные съёмки были. С такой высоты даже мастер спорта «на ласточку» не прыгнет.

А я подумал, что мост не так уж и высок: метров десять над уровнем воды. Или пятнадцать – не больше. Со стороны – совсем не высоко. И не страшно. Но только по мере приближения к нему мандраж у меня внутри всё усиливался и усиливался.

Подойдя к воде, я снял кеды и ступил в неё ногой: холодная ли? А малые стали просить Ковиа:

– Можно, мы искупаемся потом?

– Я вам сейчас искупаюсь! – грозно ответил он и, чтобы отбить у малых охоту заходить в речку, стал рассказывать страшилку: – Хотите, чтобы трахикарпус в ногу влез?

– Трахикарпус! Трахикарпус! – в страхе повторяли те: они верили Ковишу безоговорочно. – А какой он?

– Как пиявка, но длинный и тонкий. Как конский волос из хвоста. Пролазит через ногу в вену и по ней – до сердца. А там размножается. И когда их станет целый клубок – всё, аллес капут, – и приводил в качестве несокрушимого аргумента: – По радио передавали. Сам слышал. В Америке пиранья в реках. Такие маленькие, как блохи. За пять минут быка съедают. А у нас – трахикарпус.

– А пиранья трахикарпуса сожрать может?

– Это он её сожрет, не шевеля ушами.

– А вы, чего вам можно купаться, а нам нельзя?

Кови ничего не ответил, подошёл к воде и стал в неё всматриваться. А потом сказал:

– В песке, гады, прячутся, – и, обращаясь ко мне, добавил: – Старайся на песок не ступать. Не то как жсахнет! Как жсахнет! Придётся бритвой вырезать.

И подмигнул мне незаметно.

Мы остановились в кустах на берегу, разделись и закурили. Я с Ковиом курил «Приму» (одну сигарету на двоих, затягиваясь по очереди и ни в коем случае не слюнявя её кончик), а мелюзга – что у кого было: в основном «бычки». Кови больше ничего не говорил, и я стал просто физически ощущать, как растёт всеобщее напряжение. Напряжение и страх.

– Ладно, я пошёл, – сказал я и направился к мосту.

– Ты зажмурься, – посоветовал напоследок Кови. – Первый раз лучше зажмуриться.

Его голос дрожал, да и самого его была мелкая дрожь, как будто это ему надо было прыгать. Мелюзга так глубоко не понимала сути происходящего. Им было просто интересно. И рты у многих были слегка приоткрыты.

По-настоящему мне стало страшно тогда, когда я посмотрел вниз. Наверное, этого не надо было делать. Но словно какая-то неведомая сила заставила меня. Я перелез через перила, стал ногами на козырек и как бы невзначай, посмотрел вниз. Там почему-то было темно, и меня обдало волной холода. Ноги вдруг одеревенели, и пальцы рук мёртвой хваткой вцепились в перила. Я не увидел воды. Она была так далеко-далеко, что мне показалось: её нет вовсе. Внизу была не река, а глубокая, бездонная пропасть.

«Ладно, – подумал я, – скажу, что подвернул ногу. Перелезу обратно через перила и похромаю к пацанам. А по пути стукну ступнёй по камешку или по бордюру, чтоб кровь показалаась».

Но кто-то, кто словно бы наблюдал за происходящим со стороны, сказал:

– Они не дураки. Они поймут, что ты просто струсил. И тогда тебе лучше будет обратно в интернат не возвращаться...

Это было правильно, это было верно: обратной дороги у меня нет. Те, кто жил в дет-доме, в интернате или сидел в тюрьме, очень хорошо знают, что значит струснуть, отказаться от своих слов, проиграть в споре. Иногда гораздо лучше умереть...

И я сделал то, что делал всегда в таких случаях: и когда дрался со старшими, и когда воровал глазированные сырки с витрины магазина, и когда, запертый директором в тёмном подвале, осколком стекла от пол-литровой банки резал себе вены. Я сказал вслух, громко (а может, только подумал или все-таки сказал?):

– Была не была!

И разжал руки.

И немного неясно, словно сквозь туманную пелену, я увидел, как на экране в кинотеатре, всё, что со мной было, и всё, что со мной будет. И тогда я впервые понял, что время – это не монотонное тиканье часов. И что в одном миге, в кратком миге полёта может уместиться так много событий...

И всё чудесным образом прошло: и страх, и холод, и даже сами мысли исчезли, уступив место неопишуемому восторгу. Я летел сквозь черноту ночи, и яркие звёзды пронизывали меня насквозь. Они набегали из глубины, разрастаясь и увеличиваясь, приветливо улыбаясь мне прямо в лицо, и разлетались в разные стороны, словно вращаясь в замысловатом хороводе.

Они кричали:

– Он прыгнул! Он прыгнул!

И только тогда до меня дошло, что я это сумел, я это сделал, я не струсил!

– Он прыгнул! Он прыгнул! – мелюзга на берегу носилась вокруг меня и вопила во всё горло.

А по конопатому, сопливому лицу Ковша текли слёзы.

Да, я прыгнул, и от этого всё в мире изменилось. Мир стал другим. И я тоже, я тоже стал уже не таким, каким был раньше. Я был не таким, как те, кто не прыгал с моста. Я это понимал. Это понимали все. И принимали моё превосходство безоговорочно, как само собой разумеющееся, и была в этом какая-то тайна. Эта тайна поднимала меня на новую высоту, на новый уровень бытия.

Моё слово отныне стало законом для тех, кто не прыгал, ибо я обладал тем, чем не обладали они. Всего один прыжок, одно мгновение страха – и жизнь изменилась до неузнаваемости. И Ковш, задрав вверх свою рваную, грязную футболку, снял с пояса настоящий флотский ремень с блестящей латунной «бляхой» и протянул его мне:

– Всё, теперь он твой.

Мелюзга тянулась к «бляхе» руками, ощупывая выпуклый морской якорь. И все говорили наперебой:

– Класс... Получше любого кастета... В драке кому хошь бошку проломает...
А я положил ремень на свою одежду и как о чём-то обыденном сказал:

– Перекурю и пойду, прыгну ещё разок, теперь «на ласточку».

И никто не сомневался, что я это сделаю. То, что сделал однажды, легко и просто повторить. Но тут вмешался Рахит – мы так его называли. Он был худой, как скелет: врачиха говорила, что это от глистов, и травила его таблетками. Но от таблеток Рахиту становилось ещё хуже, он даже сознание иногда терял. Мы никогда его не били, даже если он этого и заслуживал. И вот он вышел вперёд и упрямо заявил:

– Теперь я! Теперь моя очередь!

– Под куст Рахита! – скомандовал Кови.

И того, схватив за руки и ноги, пацаны раскачали и забросили под небольшой кустик лозы. Рахит, громко хныкая, вылез обратно. В руках у него был завязанный сверху чёрный матерчатый мешочек. И оказалось, что хныкал не Рахит, а то, что шевелилось в этом мешочке.

– Дай сюда, – повелительно сказал Кови.

И, забрав мешочек, развязал его.

В тот день я так и не прыгнул во второй раз.

1.9. Обет молчания

ХВН кашлянул, и я вернулся в настоящее. Я развернул ежедневник и посредине листа, как раз напротив падающей звезды, нарисовал синим цветом флотский якорь. Почему якорь? Не знаю. Да это и не важно. Важно только, чтобы символ, как сказал ХВН, вызывал в памяти, возбуждал цепочку нужных ассоциаций.

– Что делать дальше? – спросил его я.

– Посмотрите на эти символы одновременно, одновременно вспомните, что они для вас значат, какие переживания они в вас пробуждают, и закройте страницы так, чтобы символы совместились, соприкоснулись друг с другом.

Я сделал всё так, как он говорил. На мгновение меня охватило лёгкое волнение, но оно очень быстро прошло.

– Теперь закройте глаза, но словно бы продолжайте смотреть на эти символы. Как будто они справа и вверху. И... представьте, что всё сбылось. Тогда всё сбылось, как вы хотели. И завтра всё продолжится с того самого момента, с которого надо изменить прошлое.

– Это всё? – спросил я.

– Всё, – ответил он и, пристально взглянув мне в глаза, добавил: – Всё, что пока вам нужно знать. Вам нужно ЗНАТЬ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ. Вы должны ХОТЕТЬ ИЗМЕНЕНИЙ. Вы должны ДАТЬ СЕБЕ ШАНС произвести эти изменения. Всего-навсего дать один-единственный шанс или, вернее, не упустить его.

– И когда будет результат?

– Скоро. Сегодня. Или завтра. Но не позже чем через сутки. И главное – не пугайтесь. Что бы ни произошло – не пугайтесь. Это необходимо, это неизбежно на нашем пути. К этому изменению надо относиться как к хорошему.

– Ну-ну, – ухмыльнулся я. – Через сутки я вам всё расскажу, что в моей жизни изменилось.

Он мелко-мелко засмеялся, снял очки и принялся протирать их обрывком какой-то простыни – не иначе. Растрёпанные нитки основы на лоскутке держались непрочно и приклеивались к линзам. Он снимал их, продолжая свой дребезжащий смех. Ну, совсем как звук неплотно посаженного в оконную раму стекла, когда мимо дома проезжает тяжёлый грузовик. Нехороший, прямо скажем, смех. Настораживающий. Не нравился мне этот смех. И ХВН мне в этот момент тоже не нравился. И какой-то холодок исходил от его близоруких глаз.

И мне в который раз за сегодня стало чуть страшновато. Не то чтобы я совсем уж испугался – просто было немного не по себе. Как будто он в тот момент видел то, чего теперь уже не видел, не мог видеть я.

А он продолжал смеяться, смеяться совсем неестественно. И я снова решительно встал для того, чтобы уйти.

– До завтра, – попрощался я.

Он не ответил и больше не задерживал меня. Он знал, что завтра я не приду.

Я повернулся к нему спиной.

– А ручку? Вы забыли отдать мне мою ручку, – сказал он.

И я, спохватившись, протянул ему обещанный подарок и снова хотел повернуться к нему спиной. Но он неожиданно сказал:

– И – самое главное – до утра вы ни с кем не должны разговаривать. Вы не должны разговаривать даже с самим собой, даже напевать или насвистывать что-либо. Вы должны молчать, иначе эксперимент будет нечистым. Могут случиться разные отклонения. Хе-хе.

Страх всё больше и больше закрадывался ко мне в темные уголки сознания. Совсем как тогда, когда я шёл с пацанами к мосту.

– И не оглядывайтесь ни в коем случае. Даже если вас окликнут, окликнут знакомым голосом. Тем самым, который вы так хотите услышать.

Я молча кивнул.

– И сейчас, когда я вас спрошу, вы мне не отвечайте. – И он спросил: – Когда вы ехали сюда, чего вы хотели больше: спасти Ибрагима или стать известным писателем?

«Вот сволочь! У него что, действительно рентген в голове?» – я дёрнулся всем телом. Но он замахал руками:

– Разговаривать нельзя!

Я молча кивнул и ушёл не оглядываясь.

Я ушёл не оглядываясь – он так сказал. Для чего он так сказал? Может быть, для того, чтобы я не видел, как он, повиснув на костылях, волочит за собой свои искалеченные ноги, добираясь до входных дверей больничного комплекса.

В холле гостиницы воняло жареной рыбой.

На стойке администратора лежала адресованная мне телефонограмма (я отключал свой мобильный телефон, разговаривая с ХВН, и поэтому был недоступен для звонивших). Я включил мобильник и проверил СМС-сообщения: информация подтвердилась. Моя секретарша Люси передавала, что меня разыскивают мои родственники из деревни: умер мой то ли двоюродный, то ли троюродный дядя. Мы все называли его просто Песенником за его волшебный голос. За такой голос Басков и Паваротти отдали бы половину своей жизни. Но достался он не им, а простому Песеннику. Песеннику, который работал обыкновенным грузчиком в сельпо, пил плодово-ягодные вина, дешёвую водку и сахарную самогонку – всё, что на данный момент имелось.

Значит, теперь его нет. Он умер. Отмучился. Я знал, что он был смертельно болен. Об этом знали все, включая его самого. Не дай Бог никому такого конца!

Конечно же, он умер до того, как я совмещал рисунки-символы в своём ежедневнике. Ни я, ни ХВН – мы не могли никак повлиять на исход этой трагедии. Смерть Песенника никоим образом невозможно было связать с моими сегодняшними манипуляциями. Опухоль обнаружили год назад, когда делали операцию по удалению аппендицита. При чём тут я? Чертов ХВН с его идиотскими экспериментами! Мне надо ехать, а тут – обет молчания. Да ну их всех подальше: и дурных, и умных!

Я скомкал телефонограмму и сунул в карман ветровки. Поднялся к себе в номер (второй этаж), собрал небрежно малочисленные вещички, спустился вниз, оставил ключ на стойке, вышел из гостиницы, сел в машину и уехал. За всё время я не увидел в гостинице никого: ни одного человека. Ни гостей, ни персонала! Словно вымерли. Ну и что? Может, пили все вместе в кладовке, отмечая «день уборщицы». Или «день горничной». Или «просто день». Просто день – и всё. Обыкновенный день, один из тысячи, из миллиона!

Но я врал сам себе. День был необыкновенным. Что-то в нём было не так. Словно полумрак какой-то на землю опустился. Так иногда во сне бывает: понимаешь, что спишь, и ничего сделать не можешь. Ноги не идут, голос пропадает, а страх выползает из всех углов и закоулочков.

Я продолжал себя успокаивать, как мог. Даже дыхание задерживал, пока, наконец, предчувствия чего-то необыкновенного не ушли из сознания. Всё было как всегда. И прохожие продолжали ходить по тротуарам, и машины ездили по проезжей части. И пьяный мужик перебежал дорогу зигзагами, как солдат под артиллерийским обстрелом. Всё было как всегда. А то, что в гостинице никого не видел, – так это не моё горе. У меня своего – море!

Но, видимо, установки ХВН прочно пустили корни в моём подсознании. И я не поехал домой через ближайший погранпереход, а свернул за Дубровицей в сторону Заречного и там ещё добрых тридцать километров, стиснув зубы, тряся по булыжнику дороги. А всё, как я теперь понимаю, только для того, чтобы не разговаривать ни с пограничниками, ни с таможен-

никами. На переходе Морочное – Невель у меня все были свои. Как с одной, так и с другой стороны. И глупых вопросов насчёт наркотиков или оружия мне никто там не задавал. И вообще, никаких вопросов никто там мне не задавал.

Украинский белорус Витька Полюхович, с которым мы когда-то играли в футбол: он – за свою украинскую школу, я – за свой белорусский интернат, молча поднял руку в приветствии, «шлёпнул видмитку», и я поехал дальше.

В Невеле бывший мичман Покатыло – белорусский украинец – сделал то же самое, что и его коллега с «чужой» стороны границы. Единственным различием был цвет мастики на штампах: зелёный у украинцев и синий у белорусов. Или наоборот?

Перепутали всё, перекрутили, перевернули вверх ногами – для чего? Чтобы украинец Покатыло был гражданином Беларуси, а белорус Полюхович – гражданином Украины? Чтобы не могли, как раньше, просто так, без всяких «видмиток» сыграть в футбол? Кому это выгодно, производителю штемпельных мастик?

Еще тридцать километров до дома я проскочил на одном дыхании по совершенно пустой в этот предвечерний час дороге, обозначенной в атласе как второстепенная республиканского значения.

Я оставил машину во дворе своей многоэтажки – всё равно утром надо ехать – и стал подниматься по лестнице на второй этаж.

1.10. Старый Горец

На площадке между этажами, на верхней ступеньке пролёта, сидел человек в каракулевой папахе, закутанный в чёрную бурку. Я аккуратно обошёл его и открыл ключом дверь своей квартиры. И немного испугался, когда Старый Горец – я так назвал его про себя – оказался за моей спиной и вошёл за мной следом. Я не видел и не слышал, как он поднимался по лестнице. И я ничего ему не сказал. Но сказал он сам:

– Радек говорил, что ты мне поможешь.

Я вздохнул: Радек – это объясняло всё. Радек мог вытворить и не такое. Пару лет назад он вот так же, с двумя другими водителями, дождался меня на лестничной площадке, перекусывая сыром, помидорами и вареными яйцами, разложенными на газете. Его ничуть не смущало, что жильцы бочком-бочком, вжимаясь в перила, проскакивали мимо. У него даже и в мыслях не было позвонить мне предварительно. Он просто приехал – и всё. Да не сам приехал: притащил шесть машин арбузов по двадцать тонн – не меньше – каждая. Увидев меня, он просил от искренней радости и сообщил, как будто подвиг совершил:

– Я арбуз привез, астраханский. Сладкий как мёд.

Я схватился за голову и с порога стал звонить своему другу-предпринимателю:

– Миша, у тебя арбуза много?

– Навалом, а что?

– Мне сто двадцать тонн привезли, «астраханца». Без согласования. Так вышло.

Миша немного помолчал и зло сказал:

– Если ты подорвёшь мне цены, я подорву твой офис.

Я цены не подорвал. Неделю, бросив свою фирму «на выживание», я мотался с арбузами по городу, меняя их на гвозди, картошку, половую доску и польские поддельные джинсы. А потом, добавив своих денег на дорогу, спровадил довольного Радека восвояси. И долго ещё молился, что так легко отделался. Денег моих мне, конечно, никто не вернул. Но Радек был родственником Ибрагима – вот почему я с таким лёгким сердцем пошёл на заведомые убытки.

Теперь вот этот Горец. Чей он родственник? А по-моему, Кавказ – это одна большая семья. Там все друг другу – родственники. Ну да ладно, утром разберемся что к чему.

Я проводил Старого Горца на кухню, выложил из холодильника сыр, рыбу, заварил чай. Старый Горец больше ничего не говорил – я был ему за это благодарен.

Потом он пошёл в зал, а я стал мыть посуду. А когда закончил и тоже вошёл в зал, увидел, что Старый Горец молится, стоя на коленях посередине ковра. Его бурка была расстелена на диване. А в головах из-под меха виднелась небольшая коричневая коробка – от обуви, что ли? – крест-накрест перетянутая шпагатом.

Я тихонько вошёл в свою спальню, разделся и лёг в постель. С одной стороны, меня мучила досада, даже какое-то зло, и на Радека, и на ХВН, и на их дурацкие выдумки. А с другой стороны, мне было приятно, что я выдержал испытание молчанием. Я не заговорил со стариком. Я решил подождать до утра. Утро вечера мудренее. А старик – пусть спит. Я тоже несколько ночей спал у Ибрагима.

Потом я услышал, как Старый Горец выключил свет и лёг на диван. Я уже начал засыпать, когда он глухо сказал:

– Радек говорил, что ты сможешь их найти. И передашь им всё. Всё – у меня больше нет. Хоть так я должен заглядеть свою вину. Если её можно заглядеть... А потом я поеду в крепость. Там погиб мой брат. Я знаю, что он погиб там. Жена думает, что он – в плену. Она думает, что он шестьдесят лет в плену. Я не сержусь на нее. Она – женщина... А мне... Мне надо только дотронуться до той земли, где лежит он... Только дотронуться...

Я уже не обращал на него никакого внимания.

Ночью мне приснился кошмарный сон. Четыре человека в чёрных бурках и папахах сгрудились вокруг меня, лежащего на своей постели.

– Кто вы? Что вам надо? – воскликнул я и проснулся.

За окном светало. Я выглянул в зал: Старого Горца на диване не оказалось. Только слегка примятая коробка от обуви лежала у спинки.

Не было его и в других комнатах: ушёл, что ли?

Я позавтракал, надел тёмный костюм, вышел из квартиры и позвонил в дверь своей соседке-пенсиирке. Я отдал ей ключи и попросил, если придёт мой гость – пожилой кавказец, покормить его и открыть ему мою квартиру.

И уехал на похороны Песенника.

1.11. Песенник

Иногда мне снится детство, моё раннее детство, которое наяву я очень плохо помню. Когда я не сплю, события тех далеких лет почти недоступны для воспоминаний из-за покрывающего их плотного тумана. словно бы уходят эти события вереницей к синей дымке горизонта и теряются там, уменьшаются до размеров карандашной точки на большом листе белой чертёжной бумаги.

*Паутина туманных лет,
Горизонта бескрайний взгляд.
За надеждой придёт рассвет,
За рассветом опять закат.
Отдаленные голоса
Заунывную тянут песнь.
Обжигает меня роса,
Почему, зачем я здесь?*

А во сне всё на удивление четко, ясно и понятно. Там не возникает вопросов почему и зачем. Почему на мне надеты шорты с одной лямкой через плечо? Да все тогда так ходили! Все пацаны носили простые чулки на круглых резинках и сандали. Или просто ходили босиком – всё зависело от уровня благосостояния родителей. Мои родители жили и работали в городе, и я заметно отличался от остальных деревенских детей уже тем, что летом носил сандали.

Тётка всё время пропадала то на колхозном поле, то на своём огороде. А я, сколько себя помню в то далекое время, постоянно был рядом с Песенником. И на его работе – он был грузчиком в сельпо, и на всех свадьбах и вечеринках – ни одно торжество без него не обходилось.

Я помню, как он, выпив пару стопок, вначале долго сидел, сосредоточенно глядя прямо перед собой, а потом начинал петь.

*По просёлочной дороге шёл я молча,
И была она пустынна и темна...*

Или:

Дочь родилась у шарманщика доброго Карло...

И когда он пел, всё вокруг преображалось. На проселочной дороге в самом деле пела и плясала свадьба, и добрый шарманщик стоял на обочине, вращая ручку своего инструмента. И все, кто слушал Песенника, не могли сдержать слёз. Такой уж был у него талант, такая музыка в нём жила.

Когда поздно вечером мы возвращались домой, он держал меня за руку и говорил:
– Если бы мне в город, да подучиться...

Но в город его никто не отпускал: когда был молодым, в сельсовете не выписывали паспорт – кто в деревне работать будет, если в город все подадутся? А без паспорта ты только до первого милиционера доберёшься. Такие порядки тогда были.

Так и проработал Песенник всю свою жизнь грузчиком. Голос потом он потерял. Говорил: «Пропил я Божий дар».

Когда я подрос, родители забрали меня от тётки – они уже получили комнату в общежитии, – и я пошёл в городскую школу. А Песенник женился, и жена родила ему близнецов: Витьку и Вову. Потом жена его чем-то сильно заболела, и ей сделали несколько операций в больнице, на станции. До больницы было километров десять, и Песенник каждый день туда и обратно бегал бегом: носил поесть. А утром снова на работу. Хорошо, если иногда на попутке подвозили. Потом жену выписали, но работать она не могла.

И все грузы, которые только проходили через сельпо, проходили и через руки Песенника. Он работал и днем и ночью. А чтобы выдержать такие нагрузки – пил.

Последний раз я видел его лет пять назад – я приехал проведать тётку. Вообще-то, после того, как погибли мои родители, как отучился я сначала в интернате, а потом в институте в Украине, как в начале перестройки открыл кооператив и крепко встал на ноги, не хотелось мне совсем бывать в деревне. Не хотелось и всё – будто был я там изгоем, чужим среди своих. Почему так? Может, из-за моей машины? Или из-за моих денег? Да я бы с удовольствием ими поделился. Но как это сделать, чтобы не обидеть?

Я тогда заехал и к Песеннику на работу. И он попросил:

– Может, у тебя рукавицы есть? А то мои совсем изорвались.

Я дал ему пару новых рабочих рукавиц. И он, покраснев, снова попросил:

– А может, у тебя есть штаны какие. Хоть спецовочные.

– Есть, – ответил я.

И достал из багажника новую спецовку: камуфляжные куртку и брюки.

Он обрадовался обновке, как ребёнок. А я подумал, что денег он не возьмет. И не предложил. Боялся его унижить. Может, зря не предложил?

А год назад Песеннику сделали операцию на аппендицит. Вот тогда-то и открылось врачам нечто плохое. Что именно – я не знал. Тётка позвонила и сказала:

– Всё, доживает наш Песенник.

Вот, годик он и протянул... И я ехал хоронить его, а заодно и то общее, что связывало нас. Ту частицу себя, которая уже больше не вернётся никогда, как и моё далекое детство.

Ушла свадьба по дороге за линию горизонта. Ушёл и добрый шарманщик. И Песенник ушёл вслед за ними.

Я поставил машину у тёткиного забора, захватил с собой сумку с купленными по дороге продуктами и вошёл в дом, едва не стукнувшись лбом о низкий косяк двери. Тётка, худая и ссутуленная, всплеснула ладонями и закудаhtала, как курица:

– Ах, ах! Сиротинка наш приехал! Да и мы уже совсем осиротели! Да и нам уже скоро, совсем скоро. Ох, ох!

Она бестолково бегала по кухне, действительно напоминая потерявшую цыплят наседку. Сколько ей лет? За восемьдесят, уже за восемьдесят. Бежит время.

– Где Петя? – спросил я о её неженатом сыне, который жил за стенкой, на другой половине.

– Могилу копает, – ответила она.

Потом тётка повязала голову чёрным платком, и мы пошли к дому Песенника.

Погода была пасмурная, прохладная, и серые краски поздней осени совсем не радовали глаз.

Двери двухэтажного, довоенной постройки дома, где располагалась квартира Песенника, были открыты настежь. Деревянная лестница, ведущая на второй этаж, забрызганная серой от времени побелкой, стягивалась во многих местах длинными болтами из катаных стальных прутьев. Некрашенные узкие ступени, изъеденные червём-точильщиком, резали своим скрипом и слух, и душу. Резали по живому.

Песенник, исхудавший до неузнаваемости, совсем затерялся в казавшемся огромным гробу. В комнате сидели Витька и Вовка, с красными, воспаленными глазами, да ещё маленькая старушка в очках с толстенными линзами. Старушка читала вполголоса молитвенник, а Вовка сказал мне:

– Отец тебя вспоминал. Мы позвонили, а тебя не было.

Я промолчал. Потом спросил:

– Может, помочь что надо?

– Да нет, ничего.

– Вот, возьми от меня.

Я протянул Вовке деньги. Он, не глядя, положил их во внутренний карман пиджака. И снова сказал:

– В последнюю ночь попросил, чтоб мы все с ним посидели. Чтоб не спали. Я, говорит, ради вас много ночей недосыпал. А вы мне хоть последнюю пережить помогите.

Тётка всхлипывала, вытирая слёзы платком.

Я сел на табурет у изголовья покойника, и мне стало плохо. Всколыхнулось всё внутри, вспомнилось, как держался я за его шершавую, теплую ладонь, возвращаясь с веселой гулянки. Теперь его руки покоились на груди, связанные узким бинтом, и ногти на пальцах уже отливали синевой.

Тётка сунула мне под нос открытый флакон с нашатырным спиртом.

– Понюхай, понюхай...

Я нюхнул, встал и вышел во двор. Мне не хватало воздуха.

На скамеечке возле крыльца уже сидело несколько человек – никого из них я не узнал. Я, не здороваясь – на похоронах это почему-то не принято, присел с самого края. Все молчали. А потом появился Петя, и по блеску его глаз я понял: пьян. Он, словно не узнавая меня, сказал:

– Подсунься трохи.

И сел со мной рядом. Потом снова сказал:

– Всё, могилу выкопали, – и, помолчав, добавил: – Так, может, нальёт кто?

Кто-то принёс запечатанную бутылку водки и стопку. Петя дал мне стопку в руки:

– Подержи.

И начал возиться с пробкой. У него долго не получалось, и он злился, матерясь вполголоса. Кто-то хотел ему помочь, но он отрезал:

– На кладбище надо было помогать, с лопатой. А то привыкли, буржуи, к сладкой жизни.

Ничего тяжелее стакана в руках не держали.

Видимо, он намекал на меня.

Наконец Петя открыл бутылку, забросил пробку под лавку и, налив почти полную стопку, сказал мне:

– Пей!

– Я не пью, – ответил я.

– Людина, яка не пье, чи хвора, чи подлюка.

Он взял стопку, выпил залпом и, тряхнув головой, передал рюмку и бутылку другим.

Потом снова сказал мне:

– Так, может, закурить есть?

– Я не курю, – ответил я.

– Что, економишь, денег не хватает?

– Денег хватает. Просто не курю – и всё.

– А может, ты какой заразный, – он отодвинулся от меня, насколько это было возможно, и снова требовательно сказал: – Так, может, кто закурить даст, кто не заразный?

Кто-то протянул ему сигарету и спички. И он долго прикуривал, потому что спички в его дрожащих руках ломались одна за другой.

Со стороны церкви, расположенной невдалеке на косогоре, послышался колокольный звон.

– Церковь построили в шестнадцатом веке, – без всякой видимой связи с предыдущим разговором сказал Петя. – Потом поляки забрали под костёл. Потом снова стала церковь. Только евреи под синагогу не забирали. А здесь вот, на этой улице, в войну гетто было. Всех поубивали: и старых, и малых. Кого расстреляли, а кого и сожгли. Этим летом Южук из Израиля приезжал. Моя бабка его тогда спасла. Хороший человек: мне десять баксов дал.

Пьяный Петин лепет прервала тётка. Надо было выносить гроб. Мне снова стало не по себе, и я пошел за машиной, завел её и поехал на кладбище. Батюшка уже отпевал покойника. Потом все попрощались с Песенником, закрыли гроб крышкой и Петя – он уже, казалось, протрезвел – забил крышку гвоздями.

Худенькая богомольная старушка, в очках с толстыми линзами, заплакала в голос, прижимая к груди молитвенник. Я не знал, кто она. Я просто видел, что горе её неподдельно и неутешно.

Могилу закопали, засыпали рыжей супесью. Вот и всё. Вот и всё, что остаётся от человека в этом мире – небольшой холмик земли, который со временем зарастёт дерном и станет почти незаметным.

Мы с тёткой ходили среди могил, отыскивая родственников, а потом вместе с тремя другими бабками сели в машину, и я поехал обратно в деревню.

По дороге мы обогнали ту богомольную старушку, в очках с толстыми линзами. Она семеняла по обочине мелкими шажками, всё так же, как святыню, прижимая к груди молитвенник. Места для неё в салоне не было, и я проехал мимо. Ничего, дойдёт старушка потихоньку. Здесь недалеко. Идти недолго.

И вообще, недолго идти человеку по этой жизни. Ничтожно мал он перед бесконечностью Вселенной. Короток его век по сравнению с Вечностью. Зачем тогда рождаться, мучиться и страдать, семенить мелкими шажками по обочине мироздания? Что может быть наградой в этой жизни? Вера? Любовь?

Маленькая, худенькая богомольная старушка, прижимающая к груди молитвенник. Последний оплот истинной Веры и Любви. Что будет с нами, когда не станет и её? Кто будет молиться за нас, испрашивая нам прощение за все грехи наши? Мы сами? Вряд ли в душе у нас что свято. А если никто – то кем мы станем? На что нам останется надеяться?

Я остановил машину, снял с себя куртку, замостил промежуток между передними сиденьями и усадил туда старушку. В тёплом салоне стёкла её очков запотели, и она, ничего не видя, искала рукой, за что бы ухватиться.

Потом нащупала моё плечо и вцепилась в рукав пиджака. А я осторожно, на второй передаче, поехал дальше.

Но ведь рождаемся мы, и мучаемся, и страдаем. И каждый прожитый день – как отсрочка перед свиданием с Вечностью. И каждый новорождённый – как отсрочка человечеству, как шанс, как потенциальный пророк, как возможно новый духовный вождь. Ведь и Спаситель «родился от Девы и лежал у ног». Каждый ребёнок – это новое бытие, новая Вселенная, новая Вечность, новая искра света во мраке чёрной бесконечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.